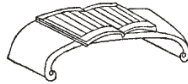

蘇轍。龍川略志

Су Чэ КРАТКИЕ ЗАПИСИ ИЗ ЛУНЧУАНИ

«Я смолоду имел желание учиться. К несчастью, я всего достиг довольно рано. С тобой, мой друг, мы однокашники, и все твои успехи точно так же нельзя назвать неранными совсем. Вот я теперь хотя б и пожелал считать себя как будто неготовым, но вся компания друзей меня все время почему-то хвалит, выдвигает... Нет, нет! Мой друг, ты должен, я скажу, от этого уйти и обратиться к прилежнейшим занятиям своим. Учись как можно больше для себя, от жизни же бери как можно поскромней. Копи в себе до толщи благородной и поскупее трать. Вот что тебе я заявляю, друг, на этом ты и стой!.. Поедешь ты теперь домой. Проездом будешь и в столице. Ты там спроси, там некто есть, которого зовут Су Чэ, Цзы-ю — так то мой младший брат. Ему ты также говори вот это все!»¹

Младший брат великого сунского литератора Су Ши, один из «Тан Сун ба дацзя»², литератор и государственный деятель Су Чэ (蘇轍³, второе имя Цзы-ю 子由, другое второе имя Тун-шу 同叔, литературный псев-

¹ Су Ши. Нечто о посевах // Шедевры китайской классической прозы. Т. 1. С. 161.

² Вместе с отцом и старшим братом их называли «Три Су» 三蘇; а также называли: Су Сюня — лао Су 老蘇, «почтенный Су», Су Ши — да Су 大蘇, «старший Су», и Су Чэ — сяо Су 小蘇, «младший Су». Иногда братьев называли так: Су Ши — чангун(вэн) 長公翁, «старший господин-старец», Су Чэ — шаогун(вэн) 少公翁, «младший господин-старец» и цыгун(вэн) 次公翁, «второй господин-старец».

³ Происхождение имен Су Ши и Су Чэ их отец Су Сюнь объяснил в «Мин эр цзы шо» (名二子說 «О том, как я дал имена сыновьям», 1047 г., «Су Лао-цюань сяньшэн цюань цзи», цз. 19). Там сказано: «Колесо, и в нем ряд спиц, и кузов с верхом, и остов меж оглоблями — все это телега служит прямо. И только тем перилам впереди как будто делать и нечего! Однако убери перила прочь, и я не вижу уж, чтоб то была вся полностью заправская телега.

Перила — Ши 軾! Боюсь, что ты не внешняя красивость. Но в мире нашем все телеги, все, все как есть, идут по колее. Хотя когда телегу люди хвалят, ее полезность признают, то в этой речи колее как будто места нет. Однако же когда телега рухнула и лошадь пала, то тут беда минует колею. Выходит так, что колея лежит среди и счастья и беды.

Чэ 轍 — колея! Я знаю: ты избежишь!..» (Китайская классическая проза. С. 305).

доним, взятый им в конце жизни, — Ибинь илао 穎濱遺老, а одно из известных прозвищ — Хуанмэнь Су¹), родился в 1039 г. в Мэйшани (в совр. пров. Сычуань) на три года позднее знаменитого брата. Основные факты биографии Су Чэ таковы.

В детстве он был на попечении кормилицы Ян Цзинь-лянь (楊金蓮 1010—1077)², а грамоте его начала учить мать, ибо Су Чэ был еще слишком мал, дабы самостоятельно покидать дом; позднее следом за старшим братом³ он пошел в местную школу («Когда я был еще мал и жил на родине, мы с Цзы-чжанем учились в даосском храме Тяньцингуань»); там преподавал некий Чжан И-цзянь 張易簡. В семилетнем возрасте Су Чэ уже умел читать и, благодаря усилиям матери, женщины весьма образованной, имел представление о легендарных правителях китайской древности и об основных конфуцианских добродетелях.

В 1047 г. скончался дед Су Чэ — Су Сюй (蘇序 973—1047), и на время траура домой вернулся отец, а с ним и его старший брат, Су Хуань (蘇渙 1001—1062); так Су Чэ впервые в жизни увидел дядю, а тот весьма тепло отнесся к смышленным и пытливым племянникам и много рассказывал им о том, как с юных лет стремился к учению, потом стал провинциальным чиновником, долго служил в разных уездах и областях — у Су Хуаня был огромный опыт, и братья его внимательно слушали. Рассказы дяди они запомнили на всю жизнь, решив, что вырастут и через успехи на служебном поприще покروют славой родителей. Отец успеха в службе не снискал, а потому особые надежды возлагал именно на сыновей и, вернувшись домой, лично занялся их обучением: стал натаскивать в философии и текстосложении, веля братья пример с Мэн-цзы и Хань Юя. Отец открыл перед сыновьями свою биб-

Су Чэ

¹ Хуанмэнь суть аллюзия на должность *мэнься шилан* (помощник начальника Императорской канцелярии), которую Су Чэ занимал при дворе в 1092—1094 гг.; в древности, при Цинь, и Хань аналог такой должности назывался *хуанмэнь шилан*, каковое название здесь и употреблено в сокращении.

² Практически лишенная поддержки поглощенного учеными занятиями и путешествиями супруга, мать Су Чэ была вынуждена взять двух кормилиц, дабы они помогали ей управляться с детьми — их в семье было четверо: кроме братьев еще две сестры, и когда родился Су Чэ, одной было десять, а другой четыре года. Вообще же мать братьев Су, госпожа Чэн 程氏, происходила из весьма состоятельной чиновничьей семьи, отдавшей дочь в бедный дом Су Сюня из соображений престижа; это была весьма образованная, начитанная женщина, прекрасно знавшая китайских классиков.

³ У Су Ши и Су Чэ был еще один брат — Су Цзин-сянь 蘇景先, первенец Су Сюня, но, родившись в 1034, он скоропостижно умер четыре года спустя, в 1038 г.

лиотеку — несколько тысяч цзюаней канонических, исторических и философских сочинений (последних было особенно много), выправленных им собственноручно, и сказал, что этого им будет вполне достаточно как для личного самосовершенствования, так и для овладения искусством управления. Су Чэ овладевал книжной премудростью истово: его природные дарования были не столь ярки, как у отца и старшего брата, и он брал усидчивостью — все время проводил за учением, живя затворником, практически не отлучаясь из дома и не видя красот окружающего мира ¹.

В 1055 г. отец счел, что образование Су Чэ закончено, и женил его на девице по фамилии Ши 史氏 (?—1117). А в следующем году Су Чэ с братом и отцом отправился в столицу на экзамены — это было первое большое путешествие братьев Су, когда они надолго и всерьез уехали из дома; для живших долгое время в уединении и все свое время посвящавших самосовершенствованию (изучению наук) юношей поездка стала настоящим потрясением. По дороге они проезжали через Чэнду, где познакомились с известным знатоком канонических сочинений Чжан Фан-пином (張方平 1007—1091), и тот, просмотрев литературные опыты братьев Су, весьма высоко отозвался об их дарованиях, похвалил Су Сюня, сказав, что его дети обладают поистине небесными талантами, а также выразил уверенность в том, что братьям удастся легко сдать экзамены. Так и вышло: прибыв в столицу и, по обычаю, отгородившись от окружающего мира для последней подготовки, оба в должный срок (в 1057 г.) блестяще выдержали экзамены, и главный экзаменатор Оуян Сю счел сочинение Су Чэ весьма выдающимся; с этих пор Су Чэ почитал Оуян Сю как учителя. Так два никому не известных юноши из Сычуани в один прекрасный день проснулись знаменитыми.

Но тут умерла их мать, и все трое Су, надев траур, были вынуждены отправиться домой. Во время траура Су Чэ по обыкновению много работал: написал около пятидесяти рассуждений на различные темы, а кроме того — первое, ставшее известным, стихотворение, посвященное новой беседе в Шучжоу (совр. уезд Чунцинсянь в Сычуани), по просьбе начальствующего над строительством.

По окончании траура Су Сюнь нанял три лодки, погрузил в них домашний скарб и повез семью в столицу. Встречали их всюду очень благожелательно: ведь сам Су Сюнь был уже очень известный литератор, а с ним вдобавок ехали и сыновья, оба цзиньши; и служилый люд местностей, через которые лежал путь Су, почитал долгом принять их как высоких гостей. Путь занял четыре месяца — водой по Янцзы через Санься, а уж оттуда на север посуху, — и за это время трое Су написали множество стихотворений, где нашли отражение впечатления от посещенных мест, их красот и обитателей, в том числе малых народов и их обычаев, а также от многочисленных древностей, сосредоточенных вдоль великой реки ².

¹ Известно, например, что знаменитую гору Эмэйшань, где Су Сюнь сам побывал не раз, Су Чэ довелось впервые посетить уже после того, как он выдержал все экзамены и стал служить, хотя гора располагалась недалеко, в его родной области; до этого у Су Чэ просто не было свободного времени.

² Путевые стихотворения, написанные отцом и сыновьями в течение 1056—1060 гг., составили сборник «Нань син цзи» (南行集 «Путь на юг»), состоящий из двух частей: в первую вошло

Прибыв в столицу в начале 1060 г. и доложив о себе в Департаменте чинов, примерно через месяц Су Чэ получил назначение на пост *чжубу* (уездного секретаря) в уезд Мяньчисянь (пров. Хэнань), но должность эту он счел слишком незначительной и, поскольку уже было известно, что вскоре будут проводиться специальные экзамены, назначения не принял (так же, кстати, как и его старший брат) и остался в столице. И действительно, вскоре вышел императорский указ о проведении таких экзаменов, победитель которых получал звание *сяньлянь* 賢良¹, и в середине восьмой луны Су Чэ и Су Ши приняли в них участие². Из всех соискателей к последнему этапу были допущены лишь трое: братья Су и Ван Цзе (王介 XI в.). И только один Су Ши удостоился включения в третью группу выдержавших, а Су Чэ стал жертвой собственного юношеского максимализма: по приезде в столицу он представил трону написанные во время траура по матери рассуждения, где, выказывая как недюжинные познания в истории и канонических сочинениях, так и выдающиеся способности литературного порядка, помимо прочего, критиковал некоторые аспекты правления и высших государственных сановников, в том числе бывших в экзаменационной комиссии. Рассуждения эти вызвали при дворе серьезный резонанс. В результате Су Чэ в третью группу не попал, а оказался в четвертой, и ему, соответственно, был предложен пост более низкий, нежели старшему брату. Этот пост Су Чэ также не принял, что с его стороны было, конечно же, мальчишеством. Воспитанный на конфуцианских классиках и идее «большого применения» 大用, молодой ученый явно рассчитывал на большее. Также получивший назначение — более почетное, помощником начальника области в Шэньси — Су Ши, узнав об отказе брата от поста, расстроился. Для расстройства, впрочем, помимо некоторой несправедливости, был и еще один серьезный повод: впервые в жизни неразлучные до того братья должны были расстаться.

73 произведения, и предисловие к нему написал Су Ши; во вторую — 100 стихотворений, и предисловие к нему написал Су Чэ, ныне оно утрачено. До наших дней из сборника дошло 140 стихотворений в жанре *ши*, а также пять од, некоторые славословия и эпитафии, всего 150 произведений.

¹ Такие экзамены проходили в три этапа: на первом соискатель должен был представить трону пятьдесят эссе, из них половину — на исторические темы и темы из классиков, половину — по поводу государственного управления; потом соискатель в течение одного дня должен был написать шесть сочинений по пятьсот иероглифов каждое на тему, взятую из классических конфуцианских книг; на последнем этапе император лично давал соискателям тему, на которую, также за один день, нужно было написать текст в три тысячи иероглифов. Экзамены эти были крайне сложны, и прошедшие их соискатели теоретически должны были распределяться, в зависимости от результата, на пять групп, из которых серьезно рассматривались лишь три первые; но на практике за сто семьдесят лет правления сунской династии в первые две никто попасть так и не сумел, а пробиться в третью считалось делом исключительным, и за все время существования экзаменов на сяньляна подобной чести удостоились всего четверо (фактически именно эта, третья группа и получалась первой); всего же подобные экзамены выдержали тридцать девять человек (при двадцати двух тысячах выдержавших экзамен на степень цзиньши за тот же промежуток времени).

² Уже тогда Су Ши и Су Чэ были весьма известны в столице: Ли Чжи (李彞 1059—1109) в «Ши ю тань цзи» (師友談記 «Записи бесед с наставниками и друзьями») приводит фразу узнавшего о намерениях братьев Су министра Хань Ци: «Если здесь два Су, то как же прочие-другие экзаменующиеся осмеливаются с ними соперничать?» (цит. по: *Цзинь Го-юн*. Су Чэ. С. 17).

Только в 1065 г. Су Чэ по протекции министра Хань Ци получил должность *туйгуаня* (судебного чиновника в аппарате наместника) в северной сунской столице г. Дамин (пров. Хэбэй). Потом наступило время очередного траура: весной этого года заболел и в апреле умер Су Сюнь — сто тридцать три придворных откликнулись на его смерть стихами и эпитафиями. Легким утешением и безусловным подспорьем братьям Су стало то обстоятельство, что, памятуя о заслугах Су Сюня, власти предоставили казенные лодки для доставки тела покойного на родину. В 1067 г. Су Сюнь упокоился рядом с женой — в местечке Кэлунли уезда Пэншаньсянь.

Пока длился траур, при дворе произошли существенные перемены: умер император Ин-цзун, его сменил Шэнь-цзун; он удалил из столицы прежних сановников — Оуян Сю, Хань Ци и пр., назначил на пост помощника цзайсяна Ван Ань-ши, предлагавшего проект многочисленных реформ. Когда в 1069 г. братья Су по окончании траура вернулись ко двору, реформы эти были в самом начале. Вошедший в состав созданного специально для проведения реформ Финансового управления Чжичжияолисы Су Чэ¹, разделявший мнение о необходимости реформ, оказался тем не менее одним из самых непримиримых и стойких противников и критиков Ван Ань-ши (по рекомендации которого, кстати, он и был назначен в Чжичжияолисы). Он не оставляя без внимания ни одного шага реформаторов — в частности, последовательно выступал против предлагаемых Ван Ань-ши мер по регуляции взимаемых государством налогов и принципа «не увеличивая налоги с народа, обогатить государство», утверждая, что современное чиновничество не обладает необходимыми способностями и в результате в погоне за выгодой причинит стране неисчислимые беды². Также Су Чэ подал доклад, в котором осудил и реформу *цинмяофа* (так называемые «деньги на ранние всходы») — он отрицал полезность предоставления ссуд крестьянам и предлагал использовать для стабилизации цен исключительно казенные запасы зерна; благодаря этому выход указа о приведении реформы *цинмяофа* был задержан на целый месяц³. Строптивость Су Чэ очень мешала реформаторам, а когда летом того же года он подал очередной доклад с беспощадной критикой реформ в целом, да к тому же с призывом отправить Ван Ань-ши в отставку, а в заключение попросил назначить его служить в провинцию, Ван Ань-ши пришел в такой гнев, что хотел даже начать против Су Чэ судебное разбирательство, но от этого шага главу реформаторов удержал император, и в результате Су Чэ оказался

¹ Су Чэ был назначен на должность *цзяньсян вэньцзы* — что-то вроде внутреннего контролера официальной документации управления Чжичжияолисы (Чжичжи саньсытяолисы). Будучи учреждено в самом начале 1069 г., это ведомство просуществовало до середины 1070 г., когда было влиито в состав Управления департаментов и, по выражению З. Г. Лапиной, «фактически стало органом реформ». Вопросы назначений в это управление были полностью в руках Ван Ань-ши.

² Надо отметить, что данная реформа довольно скоро была приостановлена; конечно, не один Су Чэ выступал против нее и подавал осуждающие доклады на высочайшее имя — в числе противников были и другие влиятельные сановники, в частности Фань Чжун-янь.

³ Подробнее о реформах Ван Ань-ши из работ на русском языке см.: *Иванов А. И.* Ван Ань-ши и его реформы; *Лапина З. Г.* Политическая борьба в средневековом Китае. С. 186—266.

выведен из состава Чжичжитяолисы, а потом получил новое назначение — как и просил, вне столицы, туйгуанем в провинцию Хэнань.

Это Су Чэ не остановило — он продолжал посылать доклады о вредности и даже опасности реформ, получая в ответ все более и более низкие провинциальные посты: в частности, Су Чэ полтора года прослужил преподавателем в области Чэньчжоу (и там его навещил старший брат, также претерпевший за критику реформ и высланный служить в Ханчжоу), а потом — долгое время секретарем областного Управления в Цичжоу. В 1072 г. умер Оуян Сю, и Су Чэ воспринял его смерть как личную трагедию.

Лишь в конце 1076 г., уже после того как Ван Ань-ши получил отставку, Су Чэ, вернувшись столицу¹, был назначен на пост сверщика текстов в Императорской библиотеке — на одну, пожалуй, из самых низких придворных должностей, но вскоре, по протекции Чжан Фан-пина, давнего почитателя талантов его отца и старшего брата, Су Чэ стал *паньгуанем* (финансовым чиновником-контролером) в Интяне. Он не преминул воспользоваться переездом от одного места службы к другому, чтобы повидать Су Ши, который как раз направлялся в столицу за новым назначением; в начале 1077 г. братья встретились, но вернуться вместе в столицу им было не суждено: уже в дороге Су Ши получил распоряжение прибыть в Сюйчжоу, так что они остановились за пределами столичных стен, в загородном поместье все того же гостеприимного Фань Чжэня. Здесь состоялась свадьба старшего сына Су Ши, Су Мая (蘇邁 1059—?), а после этого Су Чэ вместе с Су Ши отправился в Сюйчжоу, где оставался с братом более трех месяцев и лишь в начале осени выехал в Интянь.

Там Су Чэ прослужил вплоть до 1079 г., пока не впал в немилость из-за написанного на высочайшее имя письма в защиту брата, неожиданно брошенного в тюрьму², — сочтя такое письмо проступком, Су Чэ выслали на мелкую должность в область Юньчжоу (Цзянси)³. Вышедший к тому времени по старости в отставку Чжан Фан-пин весьма переживал случившееся с братьями и, по свидетельству современников, прощался с Су Чэ со слезами на глазах. Впрочем, Су Ши через четыре месяца выпустили на свободу, и Су Чэ, прежде чем ехать в Юньчжоу, сопровождал любимого брата и его домо-

¹ Он временно поселился у известного сановника и литератора Фань Чжэня (范鎮 1008—1088), также противника реформ Ван Ань-ши, из-за несогласия с которым Фань и вышел в 1070 г. в отставку; примечательно, что в поместье Фань Чжэня Су Чэ жил в Восточном кабинете, по имени которого позднее получил название сборник бицзи Фаня — «Дун чжай цзи ши» (東齋記事 «Истории, записанные в Восточном кабинете»).

² В 1079 г. настроенные против Су Ши цензоры Хэ Чжэн-чэнь (何正臣 XI в.), Шу Дань (舒亶 1041—1103) и Ли Дин (李定 1027—1086), изучив его сочинения, составили против поэта обвинение и подали соответствующий доклад на высочайшее имя. Осенью из столичного цензората в Хучжоу (Чжэцзян), где Су Ши тогда служил начальником области, за поэтом были посланы чиновники, которые и доставили его в тюрьму при Цензорате. Там он пробыл вплоть до конца года, пока шло разбирательство. Су Чэ написал «Письмо на высочайшее имя в защиту брошенного в узилище старшего брата Ши» (為兄軾下獄上書), в котором, утверждая полную невиновность брата и уповая на совершенномудрую и гуманную прозорливость императора, просил лишить его, Су Чэ, занимаемой должности, но только снять с Су Ши обвинения.

³ Об этом этапе жизни Су Чэ см., например: Лю Хун-юань. Су Чэ цзай Юньчжоу.

чадцев к новому месту службы, более похожему на ссылку, — на мелкую должность в область Хуанчжоу (Хубэй), а уж потом отправился в Юньчжоу, где начальником в то время был его хороший знакомый Мао Вэй-чжань¹, с которым Су Чэ провел не один вечер за вином и стихами.

Только в 1085 г., после смерти императора Шэнь-цзуна, когда при дворе снова вошли в силу Сыма Гуан и партия консерваторов, Су Чэ получил возможность вернуться в столицу, сначала в качестве сверщика текстов в Императорской библиотеке, но вскоре получил назначение на пост правого цензора — за полгода пребывания в этой должности он подал на высочайшее имя более семи десятков докладов, касающихся самых разных аспектов и проблем современного ему управления страной².

После смерти Сыма Гуана (1087) Су Чэ и его старший брат наконец-то становятся (хотя и ненадолго, до 1094 г.), весьма влиятельными в Поднебесной людьми — так, Су Чэ вошел в состав академии Ханьлиньюань, получил назначение на пост *хубу шилана* (что-то вроде товарища министра в Департаменте финансов и податей), в 1089 г. стал чжичжигао, а в 1091 г. — *шаншу ючэном* (вторым заместителем начальника Управления департаментов, одна из шести высших властных государственных должностей) и *мэнься шиланом* (помощником начальника Императорской канцелярии, 1092—1094). В 1090 г. Су Чэ был послан к ляоскому двору по случаю дня рождения тамошнего императора, и выяснилось, что киданьская знать хорошо знает и ценит сочинения «трех Су»; по возвращении из поездки Су Чэ представил трону отчет о путешествии на север и о состоянии пограничных дел; позднее Су Чэ принял деятельное участие в подготовке мирного договора с Ляо. Его труды на благо государства были отмечены новыми почетными должностями и титулами.

Но с 1094 г. в его карьере вновь наступил перелом: на трон взошел молодой император Чжэ-цзун и сразу стал назначать на высокие должности близких ему людей, состоявших в его свите, когда Чжэ-цзун был еще наследным принцем, — не считаясь с их талантами и способностями; Су Чэ не был согласен с такой недальновидной политикой и с присущей ему прямоотой выступил против нее, за что и был выслан из столицы — управлять областью Жуньчжоу, потом Юаньчжоу и через месяц — уже знакомой областью Юньчжоу. Из трех сыновей его сопровождал лишь младший, Су Юань 蘇遠³. В Юньчжоу пятидесятилетный Су Чэ много работал: занимался классическими сочинениями — «Ши цзином», «Чунь цю», «Дао дэ цзином», «Лунь юем».

Но придворные недоброжелатели не забыли о строптивом чиновнике: в 1096 г. Су Чэ перевели служить в еще большее захолустье, подальше

¹ Мао Вэй-чжань (毛維瞻 XI в.) — сунский чиновник и поэт. В 1024 г. выдержал экзамены на цзиньши, прославился в столице своими стихами и стал служить. Был начальником ряда областей. Славился любовью к прогулкам по горным лесам.

² До наших дней дошла лишь половина этих сочинений Су Чэ, но и по ним мы можем судить о масштабе его мышления.

³ Другие сыновья — Су Чи (蘇遲 ?—1155), старший из братьев, дослужившийся до поста *гунбу шилана* (начальника отдела в Департаменте работ), и Су Ко 蘇适, средний, также ставший чиновником.

от сердца империи — в область Лэйчжоу. Не обошли вниманием власти предержавшие и Су Ши, который получил назначение и вовсе на самую южную оконечность империи, на остров Хайнань; братья встретились в пути и вместе доехали до Лэйчжоу, а дальше Су Ши отправился морем. Впрочем, принимали братьев на протяжении всего пути очень хорошо: слава их как видных литераторов и государственных мужей давно распространилась по всей Поднебесной. Да и в изгнании к Су Чэ и Су Ши засвидетельствовать свое почтение постоянно приезжали гости, часто из весьма отдаленных земель.

В 1101 г. призванный ко двору шестидесятишестилетний Су Ши в пути заболел дизентерией и умер в Чанчжоу. Су Чэ был безутешен: он надевает траур, везет тело брата на родину, в Мэйшань и, совершив захоронение, живет уединенно в Инчане. Скорбь о брате, он пишет множество стихов, предается чистому знанию, не мечтая более о службе, а единственно находя вкус в беседах с гостями и в прогулках по живописным местам. Трудная, наполненная дальними переездами по отдаленным областям империи жизнь начинает сказываться: Су Чэ одолевают многочисленные болезни.

Су Чэ умер в 1112 г. В 1176 г. ему было даровано посмертное имя Вэнь-дин 文定¹.

Су Чэ оставил довольно обширное литературное наследие, в том числе собрание сочинений «Луань чэн цзи» (樂城集 «Собрание из Луаньчэна»), в 96 цзюаней, которое он успел отредактировать лично, незадолго до смерти. Кисти Су Чэ принадлежат комментарии на «Ши цзин» и «Чунь цю», толкование «Дао дэ цзина» и другие произведения. Су Чэ не оказался столь плодовитым и разносторонним автором, как его старший брат (который достиг вершин и в стихосложении, и в прозе, и в каллиграфии, и в живописи, и в философии), однако же он был человек в высшей степени талантливый, выработавший, по признанию современников, собственный стиль в поэзии и прозе, навсегда вписавший свое имя в историю. Нас же в рамках настоящей работы интересуют два его сборника бицзи — «Лун чуань люэ чжи» (龍川略志 «Краткие записи из Лунчуани») и «Лун чуань бе чжи» (龍川別志 «Другие записи из Лунчуани»).

Как явствует из написанного самим Су Чэ предисловия к «Лун чуань люэ чжи», сборник этот появился в то время, когда Су Чэ служил в области Сюньчжоу, куда был переведен из Лэйчжоу (совр. Гуандун):

Из Юнь[чжоу] я переехал в Лэй[чжоу], из Лэй[чжоу] перебрался в Сюнь[чжоу] — на протяжении двух лет преодолел тысячи ли по воде и по суше.

И там, в местечке Лунчуань, Су Чэ прожил с 1098 по 1100 г. На первых порах он разместил семью в загородном буддийском монастыре, а вскоре купил небольшое поместье:

¹ Более подробно о Су Чэ см. его официальную биографию в цз. 339 сунской династийной истории, автобиографию в цз. 12 и 13 «Луань чэн цзи», а также: Цзэн Цзао-чжуан. Су Чэ пинчжуань; Он же. Су Чэ няньпу; Цзинь Го-юн. Су Чэ; Shiba Y., Franke H. Su Ch'e, и др.

...Наскреб в кошеле пятьдесят с чем-то тысяч и обменял их на крестьянское жильё в десяток больших и малых помещений, где дыры в стенах были заткнуты пучками травы и повсюду гулял ветер. У северной стены нашлось место, где можно было растить овощи, и имелся колодец для полива...

Су Чэ оказался в полной глуши, где «и поговорить было не с кем», в отрыве от привычного круга знакомств и общения. Су Чэ нездоровилось, он не мог долго читать и писать, лекарства не помогали.

...Затворив двери и закрыв глаза, мыслями я обращался к прожитому, и все это проносилось как во сне: из десятка [случаев] отчетливо вспоминалось лишь очень немногое, что-то подробно, а что-то кратко, но все равно — сил записать это мне не хватало. Юань (сын Су Чэ. — *И. А.*) с кистью в руке сидел рядом, и я диктовал ему, а он переносил на бумагу. И так получилось сорок историй в десяти цзюанях. Я назвал это «Краткие записи из Лунчуани».

Су Чэ двигало свойственное всем китайским книжникам стремление увековечить для будущих поколений события, свидетелем которых он стал, — «рассказы о былом уйдут в прах, растворятся, а если записать, то будут распространяться».

Ко второму сборнику, «Другим записям из Лунчуани», также есть авторское предисловие — оно датировано весной второго года под девизом правления Юань-фу, то есть 1099 г. Сунский библиограф Чао Гун-у пишет:

«Лун чуань люэ чжи», шесть цзюаней. «Лун чуань бе чжи», четыре цзюани. Автор — правый министр Су Чэ. Летом второго года под девизом правления Юань-фу Чэ был в Сюньчжоу. Затворив двери и смежив очи, пустился он мыслями вослед былому, а Юаню, сыну своему, велел записывать на бумаге, и вышло сорок историй. Той же осенью записал еще сорок семь историй. А Лунчуань — это местность в Сюньчжоу¹.

И хотя в предисловии к первому сборнику отсутствует датировка, не вижу, отчего бы не поверить Чао Гун-у на слово и не принять, что и «Лун чуань...», и его продолжение были закончены в 1099 г.

Несмотря на то что «Лун чуань люэ чжи» и «Бе чжи» были написаны почти одновременно, их списки, по всей вероятности, какое-то время распространялись порознь: так, в литературном разделе сунской династийной истории за Су Чэ значится сборник «Лун чуань чжи» (龍川志 «Записи в Лунчуани») в шесть цзюаней², то есть, очевидно, именно «Лун чуань люэ чжи», а о продолжении этого сборника упоминаний нет. Во многие более поздние антологии также вошел лишь первый сборник (в частности в «Байчуань сюэхай») ³. Оба сборника неоднократно подвергались текстологической правке, и в результате в известном сегодня их тексте насчитывается, соответственно, десять и две цзюани, а не шесть и четыре как при

¹ Чао Гун-у. Цзюнь чжай ду шу чжи цзю дэн. С. 580—581. Это, собственно, самая пространная из посвященных бицзи Су Чэ запись в сунских библиографиях. Чэнь Чжэнь-сунь гораздо более краток: «"Лун чуань люэ чжи", шесть цзюаней, "Бе чжи", четыре цзюани. Автор Су Чэ. Лунчуань — это в Сюньчжоу» (*Чэнь Чжэнь-сунь. Чжи чжай шу лу цзе ти.* С. 329).

² Сун ши и вэнь чжи. С. 124

³ Правда, в некоторых ксилографических изданиях сборник фигурирует под названием «Су хуан мэнь лун чуань люэ чжи» (蘇黃門龍川略志), и к нему примыкает «Бе чжи».

жизни Су Чэ. При этом в составе нынешнего «Лун чуань люэ чжи» — тридцать девять фрагментов (против первоначальных сорока), а в «Бе чжи» — действительно сорок семь.

Сборники эти отличаются и тематически, и по форме: у всех фрагментов первого есть заголовки, иногда довольно длинные, а вот «Лун чуань бе чжи» состоит из идущих друг за другом неозаглавленных фрагментов¹; в этом сборнике преобладают фрагменты короткие, тогда как в первом основная масса более значительна по объему. С точки же зрения содержания оба сборника вполне традиционны для сунских бицзи и представляют собой довольно пестрые собрания историй, подавляющее большинство из которых вполне сюжетны и главные темы которых также не являются оригинальными: это разнообразные случаи из жизни автора — то, чему он был свидетелем (и главный интерес для нас представляют фрагменты, затрагивающие подробности различных происшествий при дворе, а также эпизоды из политической жизни Китая XI в., главным образом времени правления императоров Чжэнь-цзуна и Жэнь-цзуна, то есть 998—1063 гг.; такие фрагменты преобладают в «Бе чжи»²), или же фрагменты автобиографического характера, связанные со служебными обязанностями Су Чэ или с известными историческими именами сунской династии — Ван Ань-ши, Фу Би, Фань Чжун-янем, Чжан Юном, Ван Гун-чэнем, Люй Хуэй-цином и многими другими; особенно значимы несколько фрагментов, посвященных отношениям с северными соседями сунской империи (в первую очередь с киданями), а также фрагменты, в которых так или иначе затрагивается проблема престолонаследия в конце царствования императора Жэнь-цзуна, то есть в 1063 г.³ Есть в бицзи Су Чэ и вполне традиционные сюжеты, связанные со сверхъестественным, в первую очередь с даосскими или буддийскими подвижниками и адептами (таких фрагментов больше в первом сборнике). Немалый интерес, несомненно, вызывают и такие фрагменты, как «Магическое искусство выплавления золота нельзя доверять людям», — этот сюжет представляет конкретный эпизод из жизни Су Ши.

Если же сравнивать «Лун чуань люэ чжи» с «Дун по чжи линь», бицзи старшего брата Су Чэ, то следует отметить, что в сборнике Су Чэ преобладают сюжетные фрагменты, тогда как у Су Ши их нет; у Су Чэ в зна-

¹ Номера фрагментам в тексте дальнейшего перевода даны мною.

² Часто это фрагменты, в которых нашли отражение те или иные эпизоды реформ Ван Ань-ши: «Когда я был начальником в Цзиси, как раз вышел указ двора о том, чтобы покупать лошадей для армии Гуанси в уездах, что к югу от Реки. К востоку от Реки лошадей искони не доставало — не более десятка-полутора голов на уезд, но уездные власти тоже принялись разыскивать тех, у кого лошади были. Чиновники вели себя разнузданно, и семьи, державшие лошадей, были весьма обеспокоены» («В уездах к востоку от Реки доискиваются, у кого есть лошади»).

³ Имеются в виду фрагменты, подобные следующему: «Когда императрица Чжан-сянь опочила, покойный господин Люй согласно ее последней воле должен был объявить императрицей тайфэй Ян (楊太妃 984—1036) и возобновить "правление из-за занавеса". Многие из высших сановников были этим недовольны. Глава Цензората Цай Ци-цзян собрал чиновников, дабы все решительно высказались против и [последнюю волю покойной] не осуществляли. "Господин Цай не понимает меня! — горестно вздохнул Сюй-гун. — Как мне радоваться такому [повороту дела]! Но Жэнь-цзун еще годами мал и дела в Запретном [городе] остались без управления". А вскоре начались распри между наложницами разных рангов — что ни говори, а Сюй-гун оказался прав!» («Бе чжи», фрагм. 16).

чительном количестве представлено сверхъестественное и фантастическое, чего у Су Ши почти вовсе нет; сборники «Лун чуань люэ чжи» и «Бе чжи» в гораздо большей степени традиционны и напоминают другие образцы северосунских бицзи, тогда как «Дун по чжи линь» — сочинение, в ряду прочих бицзи стоящее несколько наособицу. А в целом приходится согласиться со справедливым замечанием современного китайского исследователя Цзэн Цзао-чжуана (曾棗庄 р. 1937) по поводу «Лун чуань люэ чжи»: «Хотя его литературные достоинства и уступают "Дун по чжи линь", однако же ценность его как исторического источника далеко превосходит "Чжи линь"»¹.

Су Чэ КРАТКИЕ ЗАПИСИ ИЗ ЛУНЧУАНИ

(1) Во сне вижу Лао-цзы, который рассуждает о том, что Ян Вань любил убивать, а Гао Ин и Янь Чжэнь — нет

Когда я был еще мал и жил на родине, мы с Цзы-чжанем учились в даосском храме Тяньцингуань. А в годы Чжи-пин я, будучи в столице, увидел во сне, что захожу в зал Саньциндянь [этого храма] и там стоит статуя Лао-цзы — высотой в два-три *чи*, обликом удивительная, умеющая разговаривать.

Вокруг никого не было.

Я глубоко поклонился и заговорил [со статуей].

— Ты знаешь ли, кто такой Ян Вань? — спросил меня Лао-цзы.

— Танский мудрый министр, — ответил я.

— А кто такие Гао Ин и Янь Чжэнь — знаешь?

— Ин — гражданский чиновник, а Чжэнь — военный.

— Ну а кто из них наимудрейший?

— Хоть Ин и Чжэнь и были мудры, но до Ваня им, конечно, далеко!

— Все эти люди, — сказала статуя, — закончили службу на посту *шаншу пуи*, но Ваню не выпали долгие годы, а вот Ин и Чжэнь, напротив, дожили до глубокой старости. А ты знаешь, почему?

— Не знаю, — отвечал я.

¹ Цзэн Цзао-чжуан. Су Чэ дуй Бэйсун вэньсюэдэ гунсян. С. 87.

— Вань был не чужд убийству, а Ин и Чжэнь никогда не убивали — вот в чем их различие. Запомни это!

Во сне я не очень-то понял, что и как у этих троих, но когда проснулся, взял «Танскую историю»: и карьера, и срок жизни тех трех чиновников — все оказалось в точности [так, как и сказала статуя]! Не нашел лишь, как они относились к убийствам.

Примечания. Цзы-чжань — Су Ши, старший брат Су Чэ, второе имя которого было Цзы-чжань 子瞻..

Годы Чжи-пин — 1063—1067.

Саньциндянь — Дворец Трех чистых. *Саньцин* — три небесные сферы, где обитают наивысшие даосские святые-бессмертные: *Юйцин* («Нефритовая чистота»), где пребывают высшие божества, никогда не спускающиеся на землю; *Шанцин* («Высочайшая чистота»), где обитают бессмертные ранга *чжэньжэнь* «совершенные люди»; *Тайцин* («Величайшая чистота»), где обитают бессмертные низших рангов. Более подробная космологическая схема, включающая в себя не три, а семь сфер, на которые подразделяется мир, была разработана теоретиками даосской школы Маошань в V в. В позднем даосизме за каждой из сфер было закреплено конкретное божество, являвшееся его покровителем: за Юйцин — *Юаньши тяньцзунь* («Небесный владыка изначальности») или *Тяньбаоцзюнь* («Государь небесных драгоценностей»), в протонародном даосизме отождествлявшийся с Юй-ди, Нефритовым императором, верховным даосским божеством; за Шанцин — *Линбао тяньцзунь* («Небесный владыка духовных драгоценностей») или *Тайшан даоцзюнь* («Верховный государь дао»); за Тайцин — *Тайшан лаоцзюнь* («Верховный старый государь»), отождествлявшийся с обожествленным основателем даосизма Лао-цзы.

Чи — мера длины, немногим более тридцати сантиметров.

Ян Вань (楊綰 IX в.) — танский сановник. Рано осиротел. С юных лет выделялся среди сверстников умом и сообразительностью, увлеченно учился и много знал, хотя жил в бедности и очень много времени уделял заботе о матери, отличаясь крайней сыновней почтительностью. Его чиновничья карьера началась довольно рано и складывалась вполне успешно: Ян служил на постах *чжуншу шэжэня* и *чжичжигяо*, занимался составлением династийной истории. Пользовался большим уважением современников и земляков, так что после его смерти поклониться его телу люди приезжали за несколько тысяч ли. О том, как Ян Вань относился к насилию или к убийству, в танской истории действительно ничего не сказано, напротив: «Вань воздействовал на людей своей добродетелью, и люди изменялись сами — можно считать его мудрым!» (Синь Тан шу. Т. 15. С. 4678).

Гао Ин (高郢 IX в.) — танский сановник. Очень рано научился писать и много читал — в девятилетнем возрасте уже знал «Чунь цю». Был довольно нелюдим. По службе дошел до постов *чжуншу шэжэня*, *чжуншу мэнься пинчжаниши* (803) и *тайчанцина* (806). Закончил службу на посту *шаншу ю пуи* (правый заместитель начальника Управления департаментов).

Янь Чжэнь (嚴震 ?—799) — танский сановник. Из семьи землевладельцев, первых богачей в округе. Служил по военной линии, по историческому ведомству, был начальником ряда областей, в 785 г. был назначен на пост *пинчжаниши*.

Шаншу пуи — заместитель начальника Шаншушэна (Управления департаментов). Одна из самых важных должностей в административной системе управления страной при династии Тан.

(2) Магическое искусство выплавления золота нельзя доверять людям

Когда моего старшего брата Цзы-чжаня назначили служить в Фуфэн, в буддийском храме Кайюаньсы было много древних картин. А Цзы-чжань

с юных лет интересовался живописью, и вот он стал постоянно ездить в храм, проводя там время до самого заката.

[Однажды] к нему подошли с поклоном два старых буддийских монаха.

— Наш ничтожный монастырь совсем рядом, не пожелает ли господин навестить его? — спросил один.

Цзы-чжань согласился и последовал за ними.

— Бедный служка всю жизнь занимался магическими искусствами, — сказал один из монахов, — и знает способ, как с помощью киновари из слабого золота добыть чистое. Я уже стар и должен передать мое искусство людям, но, боюсь, не найдется надежного человека. Думаю, вам, господин, можно это передать и хотел бы просить вас, что называется, бросить всего один взгляд.

— Мне подобное не нравится, — возразил Цзы-чжань, — так что если вы и передадите мне ваш способ, я все равно не смогу им воспользоваться.

— О, знать такой способ и не пользоваться им! — воскликнул монах, — Ну, если вы, господин, сами не будете пробовать, то хотя бы передайте другим!

А в то время начальником в Фуфэне был *шаоцин* Чэнь Си-лян — он всю жизнь был падок на, что называется, желтое-белое и однажды уже просил того монаха поделиться своим рецептом, но монах отказал.

— А вот шаоцин Чэнь просил, но вы не дали, а я не прошу, а вы дайте. Как же так? — спросил тогда Цзы-чжань.

— Дело не в том, что бедный служка не любит Чэня, но просто опасается: он способ-то получит, а применить не сумеет! — отвечал монах. — Не раз уже — давно — я передавал способ, но все, кто им пользовались, — они или умерли, или надели траур, или потеряли должность. Оттого я и не смею вот так легкомысленно делиться рецептом с кем попало. — Монах вынул книгу. — Тут всё разные рецепты, и среди них — рецепт превращения в золото. Ни в коем случае не пользуйтесь, господин, этим легкомысленно и другим просто так тоже не передавайте. А что до шаоцина Чэня — вот ему не давайте ни в коем случае!

Цзы-чжань обещал.

Вернувшись домой, прочитал рецепт.

На каждый *лян* слабого золота — только точно измерив количество! — нужно было взять один *цян* киновари, перемешать, сложить в котел и в котле плавить — недолго, пока не растворится вся киноварь, а золото не станет неопределенного цвета; тут снова нужно плавить, пока цвет не станет золотистым.

Потом [Цзы-чжань] как-то встретился с Чэнем и рассказал про того монаха.

— И вот у меня оказался тот рецепт! — закончил Цзы-чжань.

— Да как же вам это удалось?! — разволновался Чэнь.

Цзы-чжань подробно рассказал ему о том, как монах не хочет, чтобы рецепт попал к легкомысленным людям — даже показывать нельзя! Чэнь просил неотступно, [Цзы-чжань] не выдержал и дал ему [книгу]. Чэнь нашел способ верным и решил испробовать.

— Мне не рецепта жалко, — в огорчении сказал ему Цзы-чжань. — Мне жаль подвести того монаха. Вы, господин, уж будьте с этим осмотрительны.

— Конечно! — тут же обещал Чэнь.

Вскоре Чэнь за какую-то провинность получил отставку. Цзы-чжань подозревал, что тут не обошлось без золота, и сильно себя корил, переживал.

Потом его перевели в Хуанчжоу, и там как раз оказался Цзао, сын Чэня. Цзы-чжань спросил его:

— А что, шаоцин все же воспользовался этим рецептом?

— Когда отец потерял должность и приехал в Лоян, — отвечал Цзао, — нам не на что было даже снять дом, вот тогда-то он и применил рецепт.

В конце концов [Чэнь] заболел ревматизмом и скончался — так стало ясно, что монах говорил правду, не врал.

Через десять с чем-то лет [Цзы-чжань] переехал в Юньчжоу. Там был буддийский монах И-цзе, из Шу, он служил чаньскому наставнику Кэ-вэню. Куда Кэ-вэнь ни приезжал, тут же начинал ремонтировать и строить [буддийские храмы], не считаясь с расходами, и никто не знал, откуда у него берутся деньги. Кэ-вэнь скрывал свою тайну, когда его спрашивали — не отвечал. И-цзе был очень близок с чаньским наставником Шэн-цуном, и тот по секрету сообщил ему способ [Кэ-вэня] — совершенно то же самое, что в Фуфэне передал [Цзы-чжаню] буддийский монах! Только вот Кэ-вэнь ни монетки для личной выгоды не истратил, потому, верно, и сумел сберечь умение, да и сам уберется.

Примечания. Когда... Цзы-чжана назначили служить в Фуфэн — то есть в 1061 г., когда Су Ши, после удачной сдачи дворцовых экзаменов, получил свое первое назначение в Фэнсянь (Фуфэн).

К а й ю а н ь с ы — буддийский храм, располагавшийся на территории города Динчжоу (совр. уезд Динсянь в пров. Хэбэй). До наших дней от всего комплекса сохранилась одна лишь пагода, которую по высочайшему повелению начали строить в 1001 г., а закончили в 1055 г. Сооруженная на небольшой горке пагода возвышается на восемьдесят четыре метра и считается самым старым сооружением такой высоты на территории Китая. В сунское время пагода имела стратегическое значение: поскольку Динчжоу располагался неподалеку от границы с киданями, с пагоды можно было наблюдать за происходящим на близлежащих территориях сопредельного государства, что позволяло своевременно заметить продвижение войск.

Ш а о ц и н — помощник начальника одного из придворных ведомств (например Тайчансы, которое отвечало за императорские жертвоприношения божествам земли, плодородия и неба, а также за церемонии в храме императорских предков). Нам ничего не известно об упомянутом в тексте Чэнь Си-ляне 陳希亮, однако же в традиции китайских книжников было титуловать лицо, о котором идет речь, названием наивысшей должности (часто сокращенным, как и в этом случае), которой ему удалось достичь в карьере, вне зависимости от того, какое служебное положение он занимал к описываемому моменту, — пусть даже был в отставке или в опале.

Ж е л т о е - б е л о е — то есть даосские алхимические методы превращения металлов и предметов в золото или серебро.

Л я н — мера веса, 37,3 грамма.

Ц я н ь — мера веса, десятая часть лян.

Ш у — старое название пров. Сычуань.

(4) Почему даосов нельзя наказывать за преступления

Однажды, когда я служил в даминской управе под началом господина Ван Цзюнь-куана, некий нищий большим веером поранил женщину и украл ее украшения — по закону это было тяжкое преступление, караемое смертью.

Я вел дело.

— Сам я изучаю дао, прекрасно гадаю по руке и в Вэй многие меня знают, я не разбойник! — сказал нищий.

Я опросил людей — все подтвердилось. Но разбойник мог ведь и лгать с честным лицом. Какая ему вера!

Тогда я рассказал обо всем Цзюнь-куану.

— Даоса нельзя наказывать! Пошлите за ним. Я лично займусь этим, — и добавил: — Это блаженный. Надо отпустить его.

Я пошел к нищему и спросил, откуда он.

— Я из простой семьи, живущей в ущельях Личжоу, — отвечал он. —

В детстве заболел проказой и родители бросили меня в горах. Три дня я плакал без перерыва, пока с вершины не спустился некий человек. Он пожалел меня, и я рассказал ему, отчего плачу. «Я живу в ущелье и если ты в состоянии идти, то будешь для меня собирать хворост и таскать воду — всего-то!» [— сказал он.] Я поднялся и пошел следом. Человек обучил меня, как управлять пневмой-ци, и через несколько лет болезнь моя сошла на нет. «Твоя карма сильна, — сказал мне еще тот человек. — До конца дней своих суждено тебе мучиться, так хоть от болезни избавился! Но тут тебе не место. Ступай в горы, броди, проси милостыню, будь не таким, как обычные люди: коли начнешь хорошо одеваться и сладко есть, болезнь опять возобновится. Ты не избежишь голода и холода, но я научу тебя гадать по руке — на пропитание хватит, а излишки отдавай другим, не копи». Я долго странствовал по свету, не смея ни в чем пойти против его слов!

Обо всем этом я доложил Цзюнь-куану, и он отнесся к нищему с большой снисходительностью. А потом поведал мне о следующем:

— Давно, когда еще только выдержал экзамены, я явился с визитом к бывшему уже тогда в отставке господину Чжану, и он сказал мне: «Однажды вы, господин, обязательно достигнете знатности, и будет даос, который нарушит закон. Так вот, не наказывайте его». Я осведомился о причине. «Когда в юности я служил начальником Шэчуна, в уезде появились злодеи-разбойники, и лучники в горах схватили одного человека, неясно, откуда он там взялся, а только про него говорили: этот из числа грабителей. Я присмотрелся: человек явно не злодейского вида — велел расковать его и отпустить. Все чиновники были удивлены, и я сказал им: если он и впрямь грабитель, я оставлю свою должность. Тот человек, когда его расковали, вышел вперед и спросил: "Откуда господин узнал, что я не грабитель?" "Просто внимательно посмотрел и понял: ты не из таких", — ответил я. "Но вы, господин, не могли знать наверняка, — сказал человек. — Хотя я и впрямь не грабитель, но с виду-то похож! На самом деле я изучаю дао, и мой учитель живет за этой вот горой, а всего учеников у него лишь с

десяток. [Наставник] послал меня купить лекарства, но мне не посчастливилось: схватили. Теперь же я поспешу к наставнику, а через три дня вновь предстану перед вами". В назначенный срок он действительно пришел. "Мой наставник был поражен тем, сколь необычайный вы, господин, человек, и послал меня звать вас уйти в горы и посвятить себя постижению дао". "У меня есть служебные обязанности, жена, дети, — улыбнулся я, — и вовсе нет свободного времени, чтобы следовать за твоим учителем!" "Мой наставник так и знал, что вы не сможете, — сказал тот человек, — и потому прислал вот это снадобье. Принимать можно по пилюле в день, а когда снадобье кончится, я вновь приду". Снадобья оказалась полная коробка, и я стал принимать его, как было сказано. Когда оно закончилось, тот человек пришел снова и спросил, как обстоит дело с пилюлями. "Уже все принял!" — ответил я. "В этом снадобье содержится яд, — в испуге воскликнул тот человек, — и кто-нибудь другой после столь быстрого приема наверняка слег бы! А вы, господин, совершенно здоровы — воистину, вы редкий человек! Теперь ясно, что вам суждено долголетие, пышная знатность — высокие чины, а то, возможно, и вовсе вы среди бела дня вознесетесь ввысь!"» Вот с тех самых пор я и не наказал ни одного даоса.

Цзюнь-куан внимательно на меня посмотрел и добавил:

— Вы, господин, тоже человек знатный. Всегда помните слова господина Чжана!

— Хорошо, — склонил я голову.

Спустя двадцать с чем-то лет я занял пост *хубу шилана* и поселился в доме к западу от бывшего поместья господина Чжана. Внук господина рассказал, что в тот год, когда господину суждено было почить, у ворот появился даос, начал стучать; господин, посмотрев, сказал: «Это мой знакомый» — и до заката пил с даосом вино. Даос оставил господину снадобье — тот попробовал: вроде того, что когда-то принимал в Шэхуне. Господин велел закопать снадобье в поместье, позади зала Саньцинтан. Потом совершил омовение, надел чиновничье платье, прилег за пологом, а служанке велел играть на лютне — играть не останавливаясь. Откинули полог, посмотрели на господина — а он уж почил!

Примечания. Д а м и н с к а я у п р а в а. — Как известно, в 1065 г. Су Чэ был назначен на должность *туйгуаня* (судебного чиновника в аппарате наместника) в северную сунскую столицу г. Дамин (пров. Хэбэй).

В а н Ц з ю н ь - к у а н — сунский сановник Ван Гун-чэнь (王拱辰 1012—1085), второе имя которого было Цзюнь-куан 君旣. Настоящее имя Вана было, кстати, Гун-шоу 拱壽, но император Жэнь-цзун даровал ему имя Гун-чэнь. В 1030 г. Ван Гун-чэнь блестяще выдержал экзамен на степень цзиньши (прошел первым по списку победителей) и начал служебную карьеру — он и крупным провинциальным чиновником был, и при дворе занимал немалые посты (служил по военному ведомству, был членом придворной академии Хань-линьюань). СШ: 318.

В э й — древнее царство со столицей в Лояне. Здесь: иносказательно о совр. пров. Хэнань.

Л и ч ж о у — область, располагавшаяся на территории совр. Сычуань.

Г о с п о д и н Ч ж а н. — Возможно, имеется в виду сунский сановник и поэт Чжан Юн (張詠 946—1015), славившийся своей честностью и принципиальностью. Долгое время служил в Сычуани.

Ш э х у н — уезд Шэхунсянь, располагавшийся на территории совр. пров. Сычуань.

Вы средь бела дня вознесетесь ввысь — то есть станете небесным бессмертным.

Хубу шилан — высокая придворная должность, что-то вроде товарища министра в Департаменте финансов и податей. Су Чэ стал хубу шиланом в 1087 г.

Саньцинтан — «Зал Трех чистых». О Трех чистых подробнее см. выше.

(6) Искусство Ван Цзяна

Побирушка Ван Цзян 王江 жил в Юаньцю. Очень любил вино, а когда напивался — падал прямо в придорожную грязь, не испытывая от этого никакого неудобства. Однажды повалил сильный снег, и кто-то зарыл его в сугроб, но дыхание у Цзяна было по-прежнему ровное, а снег понемногу растаял!

Цзян бродил по рынкам, и в его волосы всегда были вплетены цветы, а следом бежала ребятня, толкала и поносила его, но Цзян лишь весело смеялся, будто так и надо.

Иногда Цзян пробовал торговать с лотка лепешками, но до самого вечера ни одной продать не мог — тогда он созывал окружающих и они вместе те лепешки съедали.

Цзян заходил в деревенские дома, и хозяева приглашали его поесть и выпить — наевшись и напившись, Цзян засыпал. Женщины были здесь же, но Цзян ничего такого себе не позволял, и люди верили, что ни о чем, [кроме как попить и поесть], он и не помышляет. За это жители Чэнь платили ему горячей любовью — даже рисовали его портреты и возжигали перед ними ароматические курения.

Когда Лю Шу стал *чжуаньюньши* в Цзинси, он прибыл в Чэнь[чжоу] и пожелал видеть Цзяна. Лю въехал в город, а у дороги как раз стоял Цзян и громко ругался. Лю не знал, что это и есть Цзян, а потому приказал чиновникам гнать его палками. На другой день Лю позвал Цзяна, чтобы извиниться. Тот сказал со смехом:

— Обругал прибывшего издалека чиновника — получил палок. Судьба! — И тоже не стал извиняться.

Люди из высших слоев общества знали, что Цзян человек необычный, и разными способами пытались выведать его секрет, но Цзян лишь напивался и ругательски их ругал, так что в конце концов желающих не осталось.

В годы Си-нин я служил в Чэнь[чжоу] на должности *цзяошоу* и пригласил Цзяна на вино, но тот выпил не очень много.

— Годы уж не те, и ци слабеет, — сказал Цзян. — Не могу уже пить и веселиться как в былые дни!

Мясо и лепешки — это все он тоже не стал есть. Каждый раз, когда Цзян глотал, в гортани у него слышался такой звук, будто там текла вода. Опасаясь, что Цзян будет ругаться, я не стал его спрашивать.

Однажды я заговорил об искусстве продления жизни, и Цзян уже хотел было начать ругаться, как я сказал:

— Я боюсь, когда вы ругаетесь, потому-то так долго ни о чем вас и не спрашивал. Нынешний разговор — он просто случайный, я вовсе не со-

бираюсь обманом что-то выпытать! Но я хочу постичь дао, начал читать книги в поисках знания и хотя всего не понял, однако же половину дела уже сделал! Конечно, я погряз в мирском, перед глазами, как говорится, стеной стоят жена и дети, так что если сюда явится сам господин Люй, с меня-то какой спрос — и не сравнить с вами!

— Вы, господин, правильно говорите, — рассмеялся Цзян.

— Я решил не спрашивать о ваших тайнах, — продолжал я. — Просто скажите мне, откуда вы родом, поведайте, как вы познали дао, и все.

— Сам я из Каочэна, и когда-то у меня была жена и я жил в ее доме, не утруждая себя службой и не работая, и отец моей жены невзлюбил меня — доходило до того даже, что бил кулаками и стегал плетью. А однажды запер ворота и не открывал. Я сидел у ворот и ждал — много дней подряд, а потом вдруг однажды плюнул и ушел странствовать. В молодости-то я учился и даже мог наизусть продекламировать «Чжоу и». Тогда опять попробовал — не пропустил ни одного знака!

Много времени спустя начальник области Чэнь Шу-гу собрался вызвать из Цзяньчжоу Ли Хао 李昊, чтобы изготовить амулеты. А про Ли в народе много болтали — всякие небылицы, и тогда Чэнь захотел видеть Цзяна, но Цзян куда-то улизнул, и с тех пор его не видели.

Примечания. Ю а н ь ц ю — уезд, располагавшийся на территории совр. пров. Хэнань.

Л ю Ш у (劉述 XI в.) — сунский чиновник. В 1034 г. стал цзиньши. Служил при дворе в Цензорате. Когда к власти пришел Ван Ань-ши, вступил с ним в борьбу, в результате чего получил назначение в провинцию. СШ: 321.

Ч ж у а н ь ю н ь ш и — чиновник, ведавший финансами в провинциальном масштабе, осуществлявший финансовый контроль в областях и уездах, а также заведовавший закупкой продовольствия для столицы. Под его фактической властью находился весь провинциальный чиновничий аппарат.

Ц з и н с и — одна из пятнадцати сунских провинций 路, учрежденных в 997 г. Административный центр располагался в Лояне, а территория Цзинси была в пределах совр. пров. Хэнань, западной части Аньхой, Шэньси и западной части Хубэя. В 1072 г. Цзинси была разделена на две части — северную и южную (Цзинси бэйлу и Цзинси наньлу), а в 1078 г. эти части снова были слиты в единую провинцию, но лишь до 1086 г., когда опять произошло вышеупомянутое разделение, сохранившееся до конца правления Северной Сун, то есть до 1127 г.

Г о д ы С и - н и н — 1068—1077. В 1070 г. Су Чэ был назначен в область Чэньчжоу на должность областного преподавателя (*цзяошоу*) и полтора года прослужил там в этом качестве.

С а м г о с п о д и н Л ю й. — Вероятно, имеется в виду Люй Дун-бинь 呂洞賓, один из так называемых «восьми бессмертных» (八仙 *ба сянь*). Про него известно, что родился он во время правления танского императора Дэ-цзуна, в 797 г., рождение сопровождалось благовещими знамениями (комната наполнилась удивительным ароматом, небо покрылось пурпурными облаками, с небес спустился на журавле бессмертный). Свидетельствуют, что в юные годы Люй Дун-бинь превосходил умом сверстников, мог за день прочитать и выучить до десяти тысяч слов. Повзрослев, Люй Дун-бинь женился на девице Цзинь, которая родила ему четырех сыновей. Известно также, что в годы правления под девизом Хуэй-чан (841—846) он дважды ездил в столицу сдавать экзамены, но оба раза безуспешно. После второй неудачи он познакомился в кабачке с бессмертным, который велел ему прилечь на волшебное изголовье, и Люй Дун-бинь увидел волшебный сон, навсегда отвративший его от мирской карьеры и того, что китайцы называют «погоней за выгодой и славой». Став учеником другого бессмертного, Чжунли Цюаня 鍾離權, Люй Дун-бинь познал искусство бессмертных. Несколько лет, самосовершенствуясь, он прожил в пещере; тогда и сме-

нил имя на Янь («Обрывистый»), а второе имя — на Дун-бинь («Пещерный гость»; имеются в виду так называемые «пещерные небеса» 洞天 *дун тянь*, одна из земных обителей бессмертных). Загадочная фигура Люй Дун-биня всегда привлекала внимание китайских книжников, и в сборниках бицзи часты записи, посвященные ему и уточнению касающихся Люй Дун-биня сведений. Например, в «Нэн гай мань лу» (能改漫錄 «Неспешные записи из кабинета Нэн-гая») У Цзэна (吳曾 ?—ок. 1170) сказано: «В танских собраниях удивительного есть "Записки об изголовье", написанные Шэнь Цзи-цзи, и там рассказана история о том, как "в годы Кай-юань даосский старец Люй, проезжая через Ханьдань в столицу, заночевал там на постоялом дворе и, достав из сумы изголовье, предложил некоему Лу прилечь на него". Так этот старец Люй был не Люй Дун-бинь. Ведь Дун-бинь как-то поведал о том, что он — внук Люй Вэя. Вэй же служил во времена правления Дэ-цзуна (780—804). Так что нет ничего удивительного в том, что старец Люй годов Кай-юань (713—741) — это не Дун-бинь. Некоторые думают, что под "Кай-юань" надо понимать "Кай-чэн", но и это неправильно. Хотя годы Кай-чэн (836—840) и были во времена правления Вэнь-цзуна (827—840), но Дун-биня в это время никак нельзя было назвать старцем. Официальная история гласит: "Затворнику Люй Дун-бину из Гуаньчжуна более ста лет, но выглядит он, будто новорожденный младенец. Передают, что он владеет искусством меча". Если принять во внимание это свидетельство, говорящее о более чем столетнем возрасте старца, становится ясно, что это не человек годов Кай-юань. Правдивые сведения собраны воедино в биографии Люй Дун-биня: "Родом из Гуанью, в начале годов Сянь-тун держал экзамен на степень цзиньши, но не прошел. Когда разразилась беда, вызванная [Хуан] Чао, со всей семьей уединенно поселился в Чжуннани и изучал там искусство Лао-цзы". Отсюда понятно, что Дун-бинь жил в конце Тан» (У Цзэн. Нэн гай мань лу. Т. 2. С. 503—504).

К а о ч э н — уезд Каочэнсянь, располагавшийся на территории совр. пров. Хэнань.

«Ч ж о у и» — то есть «И цзин» (易經 «Книга перемен»), самый древний памятник китайской философской мысли, восходящий непосредственно к древнейшей китайской гадательной практике (на костях и стеблях тысячелистника). Без особого преувеличения можно назвать это сочинение Библией Востока. Конфуций говорил, что если бы ему было отпущено еще пятьдесят лет жизни, то все это время он отдал бы изучению «И цзина» и в результате смог бы избежать многих ошибок. Ю. К. Щуцкий, великий китаевед и переводчик «И цзина» на русский язык, характеризовал этот уникальный памятник и как гадательный текст, и как философский трактат, и как собрание поговорок, и как политическую энциклопедию, и даже как «фаллическую космогонию» — все эти определения позволяют представить масштабность «И цзина» и его значение для китайской культуры. В основе памятника лежат шестьдесят четыре гексаграммы: считается, что они охватывают все случаи жизни, то есть являют собой всю без остатка совокупность жизненных ситуаций, логично вытекающая друг из друга и полностью объясняя как общественные процессы, так и индивидуальные человеческие судьбы, — необходимо только правильно понять смысл и значение гексаграмм. Попытки истолкования гексаграмм и составляют основное содержание «И цзина». Сочинение включает в себя каноническую часть, состоящую из двух разделов и относящуюся, видимо, к VIII—VII вв. до н. э., а также комментаторскую часть «И чжуань», куда входят так называемые «Десять крыльев» (VI—IV вв. до н. э.) — семь комментариев-чжуань, три из которых имеют по два раздела. Помимо этого до нас дошли также многочисленные комментарии и толкования разного времени, зачастую не менее загадочные, чем сами гексаграммы, ими поясняемые.

Ч э н ь Ш у - г у — сунский чиновник Чэнь Сян (陳襄 1017—1080), второе имя которого было Шу-гу 述古.

Ц з я н ь ч ж о у — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Сычуань.

(7) Некий Чжао — знаком с хитрыми уловками, но и дао познал

Гаоаньский побирушка, некий Чжао — рваная одежда, спутанные волосы — он никогда не мылся. Любил выпить, а опьянев и насытившись,

начинал ругательски поносить окружающих. Даже если к нему подходили люди, известные хорошими деяниями, Чжао тоже лениво отругивался, злобно гнал их прочь, и оттого гаоаньцы все как один звали Чжао дикарем и не смели к нему приближаться. Даже если с ним встречался человек, который никогда еще не видел Чжао, — он сразу же мог сказать: вот явно больной человек и ему всю жизнь нравились дурные поступки. Кто-то по этому сказал: «И что, вот это даос, да?»

На третий год Юань-фэн я переехал в Гаоань и увидел Чжао — он брел по дороге — и тоже ужаснулся его дикости; не решился подойти. А в конце того же года Чжао сам вдруг явился ко мне.

— Вы никогда не нуждались в людях и вдруг приходите ко мне — почему? — спросил я.

— Да захотел я тебя видеть! — отвечал Чжао. И продолжал. — Знаю, что вы, господин, хотите познать дао, но не можете достичь желаемого — ян не уменьшается, инь не прибывает, оттого-то вы обильны телом и рыхлы, красны лицом и болезненны. Я собираюсь научить вас, как водой из чаши омыwać тело — пройдет десять дней и все хвори отступят. Делайте так целый год, не ленясь. Можно и, что называется, за пределы мира выйти!

Я воспользовался его советом — помогло. Однако терпения надолго не хватило, оттого-то вкусить наивысшего чуда мне так и не удалось.

Однажды Чжао договорился со мной о встрече, но так и не пришел. Позднее я спросил его, что случилось.

— Я собирался отправиться с вами на прогулку, — отвечал Чжао, — но потом подумал: вы, господин, наверняка утомитесь. Я опасался нанести вред вашему духу, вот и не осмелился прийти.

— А где вы странствуете? — спросил я.

— Однажды, — отвечал Чжао, — я дошел до подножия горы Тайшань и видел там вещи, очень похожие на то, что издавна называют подземным адом. Если бы вы, господин, увидели это, то, вернувшись назад, уж не стали бы больше служить!

— Это отчего?

— Множество буддийских монахов и чиновных людей мучаются там за прижизненные деяния. Вот отчего.

— Но вы можете дойти в такое место, а эти существа — они знают, что вы пришли?

— Нет. Я-то их вижу, а они меня — нет. Тут как с душами умерших: они, когда входят в дома живых, видят их, а живые — эти не видят души умерших, — сказал Чжао и вздохнул. — Это ведь тоже пагубное искусство, неистинный способ! Коли вы, господин, сумеете, пестуя себя, сделать пневму-ци и естество полными, то сможете выходить за границу мира и возвращаться — совершенно не учась этому, и вот тогда это будет истинным способом.

— О пестовании пневмы-ци я уже слышал от вас, — сказал тогда я. — А что до пестования естества — в чем оно состоит?

Чжао не ответил.

Однажды он спросил меня:

— А вы, господин, часто видите сны?

— Да.

— И во сне видите своего покойного батюшку?

— Да.

— А в этих снах бывает ли так, что вы испытываете горе или радость, каких наяву не было?

— Не всегда.

— Вот вы меня спрашивали про пестование естества, — улыбнулся Чжао. — Теперь [скажу]: из таких удивительных чувствований во сне ясно — естество ваше не полно.

Меня его слова напугали и удивили. С тех пор я понял: Чжао — он не просто выдающийся хитрец, знакомый с разными уловками, но — действительно познал дао!

У Чжао на обоих глазах были бельма и он не мог как следует видеть, но потом он сумел от них избавиться: оказалось, глаза у него голубые, как у подростка. От пупка и выше тело у Чжао было, как черепаший панцирь, под сердцем ребра торчали, как лезвия, — прямые, частые, между двумя пальца не просунешь!

— Я родился в год *цзя-янь*, нынче мне уже сто двадцать семь лет! — рассказывал Чжао. — Семья моя жила в Дайчжоу, звали меня тогда Цзи. Я учился у буддийского монаха с Утайшани, но бросил и пустился в странствия. В молодости я не следовал правильному и оттого часто поступал неправильно. Когда учился вместе с Цзян Цзюнем 蔣君 из Янчжоу, он возненавидел меня и отравил мне глаза, и я окривел.

В то время мой старший брат Цзы-чжань получил назначение в Хуанчжоу, Чжао написал ему письмо и поехал туда. С первого взгляда он полюбил Цзы-чжаня и неотлучно жил у него целых полгода. А когда Цзы-чжань собрался обратно на север, Чжао последовал за ним, познакомился с Ян Хуэем, военачальником из Синго, и остался у него.

Чжао нравились птицы и звери — все, за ним по пятам всегда шло какое-нибудь животное, и они спали и ели вместе. Когда Чжао жил в Синго, то ездил там на ослике. Ослик поранил Чжао, и Чжао умер. Хуэй приготовил ему гроб и все, что положено: похоронил.

В первый год Юань-ю меня и Цзы-чжаня удостоили вызова в столицу. Тут к нам явился Фа-чжэнь, буддийский монах из Шу.

— Я хотел нанести вам визит, переправился через реку и в харчевне «Облачное спокойствие» встретил побирушку, который сказал: «Моя фамилия Чжао, некогда в Хуанчжоу я знавал господина Су. Передайте ему привет от меня».

В испуге я стал расспрашивать его, как побирушка выглядел, — все точно! В то время воеводством Синго управлял Чжу Янь-бо 朱彦博, я отправился к его отцу и обо всем рассказал. Вскрыли могилу — пусто, ничего нет, лишь посох лежит и голени ног!

Я слышал, что некоторые даосы таят свои способности — узнав их, злые люди поносными речами и поступками принуждают их к этому, но себя-то спрятать невозможно, потому нет-нет да и выйдет наружу их доб-

родетель. Но вот я подумал о Чжао: привычка валяться в грязи и чуть что ругаться — это не от стремления затаиться, ведь когда он говорил, речи его соответствовали дао! А нет тождественности дао — и искусство не достигнет волшебных высот; хотя оно и очень совершенно, но коли дао не пронизано — сколь угодно трудись, а так и не назовут тебя совершенным человеком, что были в древности. В старых книгах говорится о тех, кто, что называется, освободился от трупа, оставив после себя лишь кусок ноги. Так неужели же Чжао — подделка!

Примечания. Гаоань — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Хэнань. Третий год Юань-фэн — 1080.

Ян не уменьшается, инь не прибывает — то есть налицо нарушение баланса светлого (которого слишком много) и темного (которого недостает) начал, что, по воззрениям традиционной китайской медицины, и является главной причиной большинства заболеваний.

Можно и, что называется, за пределы мира выйти — то есть стать бессмертным.

Год цзя-янь. — Если то, что Чжао сказал о своем возрасте, правда, тогда это должен быть 954 г.

Даичжоу — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Шаньси.

Утайшань — одна из четырех самых известных священных буддийских гор Китая (пров. Шаньси), средняя высота — 2000 м. У горы пять вершин, отсюда и название — «Гора пяти помостов», а в низине между ними расположен городок Тайхуай. Ныне на Утайшани около полусотни действующих буддийских храмов и монастырей, а сама гора считается официальным местом пребывания Маньчжуши; китайские императоры не раз совершали паломничества на Утайшань. В наши дни на Утайшани безраздельно господствуют два направления китайского буддизма — Цзинту (Чистая земля) и ламаизм, причем здесь есть ламаистские храмы, где монахи — только тибетцы.

Янчжоу — одна из девяти древних областей, на которые в незапамятные времена делилась Поднебесная, тогда в ее состав входила территория совр. пров. Цзянсу, Аньхой, Цзянси, Чжэцзян и Фуцзянь. Сунская Янчжоу располагалась на территории совр. пров. Цзянсу.

Ян Хуэй (楊繪 1027—1088) — сунский литератор и чиновник, второе имя Юаньсу 元素. В 1053 г. стал цзиньши и получил назначение туйгуанем в Кайфэн. Позднее был членом придворного Цензората, членом придворной академии Ханьлиньюань, а когда выступил против реформ Ван Ань-ши, был удален от двора и назначен начальником области. Умер на посту управителя Ханчжоу. СШ: 322.

Синго — сунское воеводство, располагавшееся на территории совр. пров. Хубэй.

Первый год Юань-ю — 1086.

(8) Обсуждаю с Ван Цзе-фу выгоду и вред соляной реформы, «ранних всходов» и чеканки денег

На третий год Си-нин, приехав в столицу из Шу, я подал доклад на высочайшее имя, где рассуждал о современных делах, и августейший император Шэнь-цзун в один прекрасный день дал мне аудиенцию в зале Яньхэдянь. Мне было даровано назначение на пост *цзяньсян вэньцзы* в Чжичжи саньсытяолеси. А в то время делами в [Чжичжи саньсы]тяоле[сы] ведали *цаньчжэн* Ван Цзе-фу и *фушу* Чэнь Ян-шу — оба они тогда и знать меня не знали.

Спустя долгое время Цзе-фу пригласил меня, Люй Хуэй-цина и Чжан Дуаня 張端 в личные покои и во время застолья протянул мне некую рукопись.

— Это [проект] «Деньги на ранние всходы». Вы, господа, внимательно ознакомьтесь с ним и, коли найдете сомнительное, выскажите свое суждение во всех подробностях. Но только пока ни слова никому [об этом проекте] не говорите.

А я знал, что рукопись эта принадлежала кисти Хуэй-цина — суждения там во множестве были из тех, что вредят делам управления. Я изложил это во всех мельчайших подробностях и показал Хуэй-цину. Хуэй-цин багряно покраснел и забрал [рукопись, сказав, что] поправит.

На досуге я сделал визит Цзе-фу, и тот спросил, годится [проект] или нет. Я отвечал:

— Ссужать деньгами народ, чтобы потом изъять две десятины, — хотя по сути это и [направлено] на облегчение народных трудностей, но пользы в себе не несет. Когда надо будет выплачивать деньги, чиновники начнут злоупотребления, и даже суровостью установленной кары не удастся прекратить это. Когда деньги попадут людям в руки — тут даже самый распрекрасный человек и то не сможет избежать того, чтобы потратить их не по назначению. А когда придет время рассчитываться [за ссуду], то даже зажиточные семьи будут укрывать доходы. Так что все время нужно будет, как говорится, пороть направо и налево, а уж от этого дела управления в областях да уездах вряд ли придут к прекрасному процветанию. Когда танский Лю Янь стоял у кормила государственной власти, он никогда не давал денег в заем, а на вопросы сомневающихся отвечал так: «Народ развращают деньги, полученные счастливым случаем, счастья для страны в этом нет; чиновники, что, руководствуясь законом, контролируют это, не способствуют народной выгоде. И хотя я никогда не давал денег в заем, но зато повсюду, богатый ли урожай или недород, дороговизна ли или дешевизна, все знают, что не установлено срока [возврата], который может пройти: закупают зерно, когда дешево, а продают тогда, когда дорого. Оттого-то с тех пор как власть оказалась в моих руках, в Поднебесной не знают печали излишней дороговизны или чрезмерной дешевизны — а что еще надо для [нормальной] торговли?» То, о чем говорил Янь, — обычный порядок вещей, принятый еще при Хань, но если осуществить Ваш план, беды будут неисчислимы, необратимы, и Вы, господин, коли заботитесь о народе, возьмите пример с [Яня] и следуйте ему — успехи Лю Яня можно повторить!

— Господин произнес такую длинную речь, — отвечал мне Цзе-фу. — Я должен осмыслить ее и последовать совету. И коли впредь Вы будете иметь отличные от моих суждения, непременно осчастливьте ими меня, а другим рассказывать не стоит.

Более месяца после этого не заходила речь о «деньгах на ранние всходы».

Тут как раз чжуаньюнши земель к северу от Реки, паньгуань Ван Гуан-юань, был призван ко двору для обсуждения дел управления. Все подготовленные в [Чжичжи саньсы]тяоле[сы] проекты, что я видел, встречали большое сопротивление, но Гуан-юань постоянно обращался с докладами на высочайшее имя — сочинил несколько десятков посланий, все время

говоря о «деньгах на ранние всходы» для Поднебесной: чтобы весной выдавать, а осенью собирать и иметь в том выгоду — [его слова] были весьма близки к тому плану, что сочинил Хуэй-цин, но только начинать надо было в землях к северу от Реки. И вскоре [проект] «Деньги на ранние всходы» начал осуществляться повсеместно.

Когда я служил в [Чжичжи саньсы]тяолеси, Ван Цзе-фу спросил меня о выгодах и невыгодах добычи соли на юге, и я отвечал:

— Раньше существовало всего три суждения [на этот счет]. Первое среди них — установить твердую сумму вознаграждения за добытую соль, прибавляя сюда соль, [добытую] в казенных солеварнях, — тогда частной соли будет трудно найти спрос; второе среди них — понизить цену на казенную [соль], дав тем самым немного прибыли частным торговцам; третье среди них — укрепить прибрежное и приморское охранение, дабы частные торговцы имели больше опаски. Если все три [условия] осуществить одновременно, то выгоды от соли возрастут и укрепятся. Но настоящая выгода там, где пресечена частная торговля, а это, боюсь, сделать будет трудно.

— Ничего подобного, — отвечал Цзе-фу. — Просто законы не так строги.

— Нынешние законы о частной соледобыче смерти подобны, — сказал я. — Но какими бы строгими они ни были, до конца ее остановить не удастся. Нет такого закона, чтобы добиться этого.

— Ничего подобного, — возразил Цзе-фу. — Если из села в сто семей торговцев частной солью разорятся всего два или три торговца, то остальные непременно рассудят так: «Это плохие торговцы, как можно разориться?» Тогда торговля не останавливается. А коли разорятся пять семей, то остальным это будет только в радость! Разорятся десять семей — тут остальные точно задумаются. А уж когда разорятся двадцать или даже тридцать семей — остальные торговать не осмелятся! Они будут знать, что разорение неминуемо — как же им не бросить это дело? Древние как раз об этом говорили: «Когда выплавлено без счета драгоценного металла, даже разбойники не подбирают под ногами валяющегося».

— Если так, то и в самом деле торговать не будут! — отвечал я. — Но, боюсь, те двадцать-тридцать семей, что жили от соли и разорились, — как бы не поднялись они оттого на бунт!

Еще однажды [Цзе-фу] спросил меня о чеканке денег.

— Самые качественные — танские «тунбао», — отвечал я. — Теперешним до них далеко! Монеты годов правления под девизами Тянь-си и Тянь-шэн тоже очень ничего, с нынешними не сравнить, и потому фальшивомонетчикам было трудно. В те времена казенная чеканка выгоды не приносила, ведь смысл установлений [относительно] денег был в том, чтобы они ходили [меж людьми], а не в извлечении прибыли. Потому в старые времена в день чеканили всего восемь-девять сотен монет, а в последние годы из-за стремления к выгоде в день чеканят тысячу и еще три-четыре сотни! В начале годов Си-нин это прекратили, но потом, как я слышал, снова начали — да еще на две тысячи больше! Изо дня в день деньги все ненадежнее, оттого с каждым днем и фальшивомонетчиков все больше. Нынче нужно возродить былое и законы направить к истине!

— К чему вообще чеканить монеты? — воскликнул Цзе-фу. — Древние делали утварь из бронзы, отборной, что может прослужить очень долго, прекрасные были изделия из глины и лака. Вот в наши дни: медные изделия из Хэдуна — цена их очень высока, и если казенные [мастерские] вместо монет будут изготавливать утварь, то в сравнении с монетами как возрастет выгода!

— С древности существовал закон на запрет использования меди для изготовления утвари — как раз для того, чтобы не повредить [чеканке] монет. И если теперь не запретить бронзовую посуду, то люди наперебой кинутся отливать ее именно из монет! — ответил я.

— Выгода от изготовления бронзовой утвари с чеканкой монет не сравнится — почему бы ей не выступить вместо монет? — спросил Цзе-фу.

— Если люди частным образом станут изготавливать такую утварь, бронзовые казенные изделия тут же упадут в цене.

— Справиться с этим нетрудно, — сказал Цзе-фу. — Заставим чеканить имя мастера.

На это я ничего не сказал — повернулся и ушел.

А вскоре бронзовая утварь получила хождение, и денежное обращение пришло в упадок.

Примечания. Третий год Си-нин — 1070. Су Чэ и Су Ши вернулись в столицу из родных мест, где соблюдали траур по отцу, Су Сюню.

Цаньчжэн — сокращенно от *цаньчжи чжэньши*, помощник цзайсяна. Должность была учреждена в 964 г.

Чэнь Ян-шу — сунский сановник Чэнь Шэн-чжи (陳升之 1011—1079), второе имя которого было Ян-шу 陽叔. В 1069 г. был назначен управлять Чжичжи саньсыгяолесы вместе с Ван Ань-ши (Чэнь был его помощником), а также занял должность *фушумиши* (заместитель начальника Шумиюаня, Высшего военного совета страны), здесь названную в сокращении. Интересно, что в начале проведения реформ Чэнь Шэн-чжи показал себя последовательным соратником Ван Ань-ши, а достигнув с его помощью высокого положения при дворе, довольно скоро открыто стал преследовать собственные карьерные интересы, ничего общего с реформами не имевшие; он даже попытался ликвидировать Чжичжи саньсыгяолесы, мотивируя это тем, что полномочия финансовой власти должны быть сосредоточены в одних руках (имея в виду себя как цзайсяна), а также выступил в защиту Су Чэ, которого за строптивость в отношении реформы *цинмяофа* отослали от двора служить в провинцию. Упорная борьба с бывшим единомышленником закончилась победой Ван Ань-ши: Чэнь Шэн-чжи был выведен из состава Чжичжи саньсыгяолесы.

Люй Хуэй-цин (呂惠卿 1032—1111) — сунский сановник, соратник Ван Ань-ши, второе имя Цзи-фу 吉甫. Выдержал экзамен на степень цзиньши в 1057 г. Службу начал с поста туйгуаня в Чжэньчжоу. Участвовал в составлении проекта нескольких пунктов реформ (Су Чэ, правда, здесь пишет, что Люй Хуэй-цин был непосредственным автором закона о деньгах «на ранние всходы»). Когда в 1074 г. Ван Ань-ши ушел в отставку, Люй Хуэй-цин продолжил его дело, опасаясь, однако, возвращения Ван Ань-ши к власти и всячески этому препятствуя. В результате, когда в 1075 г. Ван Ань-ши был восстановлен в должности, между ним и Люй Хуэй-цином разгорелась нешуточная борьба, в процессе которой стремившийся к абсолютной власти Люй не только пошел на отречение от идеалов некогда вместе с Ваном задуманных и начатых реформ, но и обнародовал личные письма бывшего соратника, содержание которых до того тщательно скрывалось как от противников реформ, так и от императора. Стараниями Ван Ань-ши Люй Хуэй-цин был удален от двора. СШ: 471.

Лю Янь (劉晏 715—780) — танский министр и крупный государственный деятель. Первый пост министерского ранга занял в 763 г. — стал начальником Департамента чинов. Был у власти в общей сложности около двадцати лет. Активно способствовал развитию государственных промыслов и преумножению богатства страны. В частности, поставил

под жесткий контроль транспортные средства и государственные перевозки (в первую очередь водным путем) и создал общегосударственную систему связи через почтовые станции: «Лю Ань получал якобы через четыре-пять дней нужные ему сведения... даже из отдаленных уголков империи. Каждые десять дней прибывали данные о состоянии погоды в любом регионе... пользуясь всей этой информацией в сочетании с транспортной монополией, Лю Ань приобрел контроль над природными ресурсами (в первую очередь — над солью), вытеснял крупных купцов, добивался устойчивости цен и высоких прибылей для правительства» (*Штейн В. М.* Гуань-цзы. С. 34), а также обеспечивал стабильность поставок необходимого стране продовольствия. Упорядочил чеканку монет и соляной налог, внес существенный вклад в совершенствование законодательства. Лю Янь отрицал пользу предоставления ссуд крестьянам с использованием запасов государственных зернохранилищ для стабилизации цен. Именно на это обстоятельство как на верное и ссылается Су Чэ.

Ван Гуан-юань (王廣淵 1026—1085) — крупный сунский провинциальный чиновник, действительно служивший в это время на должности чжуаньюньши провинции Цзиндунлу, в тексте названной «землями к северу от Реки». Осенью 1070 г. Ван Гуан-юань обратился к трону с прошением выделить средства в размере пятисот тысяч монет для помощи ссудами населению с тем, чтобы освободить его от гнета местного ростовщичества; Ван Гуан-юань пошел в своих замыслах дальше Ван Ань-ши: он предлагал давать ссуды не под 20 %, а под 50 и рассчитывал таким образом выручить для казны 250 тысяч монет прибыли. Обращение Ван Гуан-юаня стало одним из решающих моментов в пробуксовывавшей до того реформе Ван Ань-ши: чжуаньюньши вызвали ко двору, с ним побеседовал Ван Ань-ши, и вскоре было принято решение приступить к выдаче ссуд под будущий урожай сначала в Хэбэе, а потом и во всей стране. СШ: 329.

«Т у н б а о» — «ходячая драгоценность», одно из наименований медных монет, восходящее к монетам, чеканившимся в начале правления династии Тан, в годы под девизом правления У-дэ (618—626). Следует заметить, что в сунское время было отлито небывалое количество монет — больше, чем когда-либо в китайской истории.

Г о д ы Т я н ь - с и и Т я н ь - ш э н — 1017—1021 и 1023—1032.

(18) Не слушаю про тайный способ превращения железа в медь

В Департаменте податей и финансов один купец рассказывал, что существует тайный способ превращать железо в медь при помощи медного купороса. Я велел привести его и сказал с осуждением:

— Закон это запрещает, а ты вот знаешь — разве это секретный способ? И если я сегодня разрешу тебе попробовать [твой способ] в Департаменте, то уж точно завтра [слух] разойдется повсюду. Да тебе одному с подобным и не справиться, непременно придется на помощь звать — значит, и другие узнают [твой способ], а уж тогда никакой тайны не будет, и то, что раньше было запрещено, по всей Поднебесной разнесется. В моих руках великие государственные замыслы и контроль за тем, чтобы подобные зловерные приемы не распространялись, мне такое не подходит.

Тот человек втянул голову в плечи и быстро вышел прочь, а я повелел, чтобы в столице широко объявили об этом [случае]. Все осуждали [купца].

Примечание. Данный эпизод относится, очевидно, к 1088 г., когда Су Чэ получил назначение на пост хубу *шилана* (что-то вроде товарища министра в Департаменте финансов и податей). Как известно, в сунское время в Китае имели хождение два основных типа монет — медные и железные (что сложилось исторически и зависело от региона: так, к югу от Янцзы находились крупнейшие медные рудники, и основная монета для этих земель была медной, а к северу преобладала добыча железной руды и монеты тут были, главным образом железными), и стоимость медных монет была выше (хотя меновое соотношение в раз-

ное время колебалось весьма значительно). Производство монет достигло небывалого размаха, однако в стране все равно ощущался недостаток наличности — в первую очередь из-за того, что монеты вывозились в сопредельные страны, где использовались как в качестве внутреннего платежного средства, так и в качестве сырья для производства металлической утвари или оружия. Дефицит покрывался за счет увеличения выпуска денег, куда свою лепту вносили и многочисленные фальшивомонетчики; были попытки заменить медную монету аналогами из различных сплавов. Купец в данном случае предложил пойти по пути прямого обмана на государственном уровне — с помощью медного купороса придать железным (более дешевым) монетам вид медных, и Су Чэ очень мягко с ним обошелся, поскольку наказание за изготовление фальшивых денег было весьма суровым: смертная казнь.

(20) Прекращаю дело по заявлению, поданному в [Департамент] финансов и податей

Один из гуанчжоуских купцов обратился в Департамент финансов податей, написав: «Иноземный торговец по имени Синьятоло прожил в Гуанчжоу несколько десятков лет, и состояние его семьи [исчисляется] несколькими миллионами связок монет. И у [Синьятоло] был мальчик-слуга, которого он, приплыв из-за моря, стал пестовать, как сына. Недавно [Синья]толо вернулся на родину, и государь его страны казнил [купца], а усыновленный им паренек получил в распоряжение добро [Синьятоло]. Нынче в столице находятся двое, у каждого по несколько тысяч связок монет — это его приказчики, а по закону [паренек] наследовать купцу не может. О чем и докладываю почтительно».

[Мой подчиненный] Ли принял доклад и велел подготовить соответствующую бумагу.

— Если достояние [Синья]толо действительно таково, то нельзя его упускать! — сказал мне чиновник.

Я возмущенно прикрикнул на него:

— А что, в Гуанчжоу пришло сообщение о том, что [Синья]толо умер у себя на родине?

— Нет, это всего лишь слухи.

— А настоящие родители приемного сына [Синья]толо или приемные его родители — они живы?

— Нет.

— По закону докладывать об отсутствии наследника следует местным уездным или областным [властям], отчего же тут доклад делается в Департамент?

— Но Департамент управляет всем, что касается доходов и имущества.

— Вот вам три [приведенные выше] причины, почему это незаконно, и если вам они не писаны, тогда и ответственность я возложу на вас.

Чиновник все равно не был согласен.

— Если вы не послушаетесь, тогда можно обратиться в Императорский Цензорат и в Управление департаментов, чтобы там разобрались.

Тогда чиновник подчинился.

[Я же] вызвал тех двух приказчиков и сказал им:

— Тот купец вмешивается не в свое дело, и я позвал вас, поскольку опасался, что вам причинят неприятности. — И дал им отвечающих [за них] сопровождающих.

Однако тот чиновник так до конца и не уверился [в моей правоте], и тогда я разъяснил ему:

— Этот доклад — он всюду незаконен. В Гуанчжоу его подавать не осмелились, а решили подать в Департамент финансов и податей, потому что знали: доклад не пройдет — вот и решили воспользоваться весом Департамента, чтобы подействовать на местные власти!

Тут чиновник понял.

Примечание. Про иноземного купца Синьятоло 辛押陀羅 известно, что он действительно много лет прожил в Гуанчжоу (начиная с 50-х гг. XI в.) и управлял там так называемым иноземным кварталом, в котором селились иностранные торговцы. Перед роковым отъездом на родину Синьятоло просил у императора высочайшего совета, кому передать дела управления, и император в благодарность за службу одарил купца белым конем и седлом. Известно также, что старший брат Су Чэ — Су Ши в свое время готовил императорский указ о пожаловании Синьятоло звания *цзянцзюня* (генерала), но В. А. Вельгус ставит это обстоятельство под сомнение (см.: *Вельгус В. А. Средневековый Китай*. С. 128—129).

Сунский Чжу Юй (朱彧 1075?—после 1119) в сборнике бицзи «Пин чжоу кэ тань» (萍洲可談 «Из бесед в Пинчжоу») о гуанчжоуском иноземном квартале пишет следующее: «В гуанчжоуском "чужеземном квартале" (*фань фан*) живут все прибывающие из заморских стран. Из их же числа назначается над ними начальник. Начальник этот заведует в квартале делами управления, особо следит за тем, чтобы чужеземные торговцы платили дань. Для этого у него в подчинении есть чиновники-иностранцы. Одежда, обувь, памятные дощечки у этих чиновников такие же, как и у жителей Поднебесной. Если в чужеземном квартале совершается преступление, то приглашают следователя из Гуанчжоу — и преступника высылают из квартала. Провинившегося привязывают к деревянной лестнице и бьют тростниковыми палками — от пяток до макушки. Тростниковые палки ломаются после третьего удара. Чужеземцы не носят штаны и чулки, сидят прямо на земле. Удары по ягодицам для них болезненны, а вот ударов по спине они не боятся. Если же преступление серьезное, то дело разбирают в Гуанчжоу. Иноземцы одеваются иначе, чем жители Поднебесной, а едят и пьют то же самое» (фрагм. 70).

Су Чэ ДРУГИЕ ЗАПИСИ ИЗ ЛУНЧУАНИ

(2) Чжан Юн-дэ служил чжоускому Ши-цзуну — состоял в дворцовой охране. Он был неравнодушен к учению о дао, и даосы постоянно гостили в его доме.

Однажды к [Чжану] явился некий кандидат на провинциальные экзамены и слег в его доме — лишь спустя несколько лет выздоровел. Юн-дэ ухаживал за ним со всей щедростью, а когда гость решил распрощаться, Юн-дэ сказал ему:

— Я принимал вас неплохо, так к чему так торопиться?

— Я владею небольшим секретом, давайте испытаем его, а уж потом я пойду, — был ответ.

Испытали. [Оказалось, что] это снадобье, которое может превращать ртуть в золото. Юн-дэ страшно испугался, но захотел узнать секрет.

— Да ведь вы, господин, и так тридцать лет живете в богатстве и знатности, к чему вам учиться этому! — сказал гость.

Но Юн-дэ задерживал его, не позволяя [уйти].

— Впоследствии мы с вами непременно встретимся на берегу реки Хуай, — сказал гость.

Вскоре чжоуский Ши-цзун выступил с войском в Шоучунь, и Юн-дэ отправился с ним. А [Юн-дэ] прекрасно стрелял, и вот, на досуге выйдя с луком в поле, [он] увидел буддийского монаха — а это его давешний хворый кандидат! [Юн-дэ] потащил его с собой, устроил на ночлег в своей комнате.

Среди ночи монах заговорил с [Юн-дэ] о его тридцати годах богатства и знатности.

— Если встретите двоих, что родились в год свиньи, служите им со всей почтительностью. Тогда богатство и знатность удастся сохранить, — сказал он.

На рассвете монах распрощался и ушел.

В то время И-цзу военными победами снискал себе славу, но хотя слава его день ото дня множилась, рода он был низкого, так что средств на упряжь, лошадей и одежду не хватало. И Юн-дэ понемногу стал помогать ему из своего семейного достояния. И-цзу обладал небесной красотой и крайней отвагой, [Юн-дэ] спросил его, в какой год [тот родился], и оказалось — в год свиньи. Юн-дэ страшно обрадовался и стал служить [И-цзу], что называется, сгибаясь пополам, так что всего у И-цзу стало в избытке, и И-цзу исполнился к нему глубочайшей благодарности, хотя и не знал о причинах [такого поведения].

Потом Ши-цзун решил жениться на госпоже Фу и стал советоваться с И-цзу:

— Госпожа Фу — высокого происхождения, но я небогат. Как посвататься? Что делать?

— У меня есть лучший друг, *тайвэй* Чжан, и я, ваш младший брат, со всем сердцем советую его.

Ши-цзун особым письмом пригласил [Юн-дэ], и Юн-дэ помог [госпоже] занять место во внутренних покоях. Тай-цзун был с ним в высшей степени любезен, и [Юн-дэ] спросил его, в какой год [тот родился], и оказалось — тоже в год свиньи. Юн-дэ обрадовался до дрожи и стал служить [Ши-цзуну] всем своим достоянием, а Ши-цзун вознес его высоко — пожаловал должностью полномочного военного наместника в Дэнчжоу, и на ней Юн-дэ прослужил до самой смерти.

Однажды кто-то донес о том, что Юн-дэ замышляет бунт.

— Даос Чжан — никакой не бунтовщик! — сказал И-цзу, велел закопать [того человека] в колодки и отправил его к Юн-дэ.

— Как ты посмел назвать меня бунтовщиком! — воскликнул [Юн-дэ]. — Ну ты и храбрец! — Разбил колодки и палкой прогнал [доносчика] прочь. Узнав об этом, И-цзу обрадовался.

Когда наследник Ши-цзуна взошел на трон, в положении Юн-дэ ничего не изменилось. Дни свои он окончил в Дэн[чжоу].

Примечания. Чжан Юн-дэ (張永德 928—1000) — военачальник и придворный. Службу начал при дворе Позднего Чжоу (951—960): принимал участие в походах против Южного Тан и киданей, занимал ряд высоких постов при чжоуском дворе, дослужился до поста военного генерал-губернатора (*цзедуши*). После, будучи близким приятелем основателя династии, перешел на службу к сунскому двору, где также служил весьма успешно — в 977 г. был назначен на пост *цзювэй шанцзянцзюня* (левого главного генерал-охранителя), а в 978 г. получил титул Дэнго-гуна. СШ: 255.

Чжоуский Ши-цзун 周世宗 — второй властитель царства Позднее Чжоу Чай Жун (柴榮 921—959, на троне 954—959). Сын старшего брата супруги основателя Позднего Чжоу Го Вэя (郭威 904—954, Тай-цзу 太祖 на троне 951—954), Чай Шоу-ли 柴守禮. Выдающийся правитель. В юности был неразлучен с сестрой, и Тай-цзу, полюбив его как родного, воспитал как собственного сына. Когда Чай Жун вырос — стал служить, но особенно отличился по военной линии: он славился неустранимостью и отчаянной отвагой и одержал немало громких побед. Унаследовал трон приемного отца. Как правитель вникал во все тонкости управления государством лично, усилил центральную власть, приложил немало сил для укрепления обороноспособности Позднего Чжоу, заботился об облегчении положения простого народа, ограничивал имущественную власть буддийских храмов и общин, много занимался ирригацией и пр. Отбил у киданей ранее захваченные ими китайские земли. Заболел в военном походе и умер тридцати девяти лет от роду.

Шоучунь — уезд, располагавшийся на территории совр. пров. Аньхой.

И-цзу 藝祖 — идущее с древности наименование основателя какой-либо династии. В данном случае имеется в виду основатель сунской династии Чжао Куан-инь (趙匡胤 927—976, сунский император Тай-цзу 太祖, на троне с 960 по 976 г.), начинавший свою карьеру в качестве военачальника при чжоуском дворе. Он, в частности, немало способствовал возведению на трон Го Вэя, а потом неоднократно стоял во главе чжоуских войск во время различных победоносных походов.

Госпожа Фу. — Имеется в виду императрица Фу (符皇后 930—955), супруга чжоуского императора Ши-цзуна. Происходила из знатного рода. Чжоуский Тай-цзу повелел приемному сыну жениться на ней, когда тот еще не был наследником престола.

Тайвэй — чиновничья должность, гражданский чиновник, руководящий войсками, что-то вроде гражданского фельдмаршала.

Дэнчжоу — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Шаньдун.

Наследник Тай-цзуна — последний чжоуский Владыка Гун-ди (恭帝 Чай Цзун-сюнь 柴宗訓 953—973, на троне 959—960), сын Тай-цзуна. Ничем особенным прославиться не успел, поскольку восстал Чжао Куан-инь и отправил его в почетную ссылку в область Фанчжоу (Хубэй). Там Гун-ди и умер.

(7) Когда Чжэнь-цзун только взошел на трон, Ли Хан стал министром. Император глубоко почитал Хана и однажды стал советоваться с ним об управлении государством — что нужно в первую очередь.

— В самую первую очередь, — отвечал Хан, — нельзя оставлять на службе недавно выдвинувшихся людей, что относятся к делам легкомысленно.

Император спросил, кто они.

— Да такие как Мэй Сюнь, Цзэн Чжи-яо и подобные! — отвечал Хан.

Император воспринял эти слова всем сердцем, и оттого до самого конца его правления эти чиновники к делам управления не допускались.

В то время Мэй и Цзэн пребывали в ослеплении признания своих талантов. [Цзэн] Чжи-яо в свое время был послан помощником к Вэнь Чжуншу, [который исполнял обязанности] *аньфу[ши]* в Шэньси и там все время

вмешивался в дела управления, хотя от слов его толку вовсе не было. Занимавшему пост в Чжуншу [Ли] Хану это не нравилось, и он послал к Фушу другого помощника, а Чжи-яо отправил в отставку.

Так со времен правления Чжэнь-цзуна и до начала правления Жэнь-цзуна [на службу] во множестве привлекались ученые мужи серьезных устремлений — это благодаря усилиям [Ли] Хана.

Примечания. Ли Хан (李沆 947—1004) — сунский сановник. В 980 г. успешно сдал экзамены на степень цзиньши. В 991 г. стал каньчжи чжэнши, но через два года был выслан правителем области в провинцию. С приходом на трон императора Чжэнь-цзуна (998) вернулся ко двору и занял тот же пост, а немного позднее был назначен *шаниу цзо пуи* (первым заместителем начальника Управления департаментов). Сведений о том, что он служил в Чжуншунэне (Государственной канцелярии) как будто нет. Славился правдивостью, мудростью и преданностью государю. СШ: 282.

Мэй Сюнь (梅詢 964—1041) — сунский чиновник и поэт. Еще в юности проявил большие способности к учению и стихосложению. В 989 г. стал цзиньши. Был паньгуанем в Департаменте финансов и податей, потом — провинциальным чиновником довольно высокого уровня (например, чжуаньюньши в совр. Чжэцзяне). По свидетельствам современников, испытывал крайнюю страсть к благовониям — в его доме их возжигали с самого раннего утра и до позднего вечера. СШ: 321.

Цзэн Чжи-яо (曾致堯 947—1012) — сунский чиновник и литератор. В 983 г. выдержал экзамен на степень цзиньши и тут же был назначен в Императорскую библиотеку. Подобно Мэй Сюню был крупным провинциальным чиновником. Служил начальником отдела (*ланчжунюм*) в Департаменте церемоний, потом в Департаменте финансов и податей, на этом посту и умер. Проявил себя как человек, склонный к откровенному обсуждению дел управления страной. СШ: 441.

Вэнь Чжун-шу (溫仲舒 944—1010) — сунский чиновник. В 977 г. стал цзиньши, в годы под девизом правления Дуань-гун (988—989) был цензором, потом возглавил Шумиюань (Высший военный совет страны). Потом Вэня выслали служить в провинцию, он управлял рядом областей и пользовался такой народной любовью, что в его честь люди соорудили кумирню. Вернувшись ко двору, стал каньчжи чжэнши, позднее возглавлял Департамент финансов и податей. На этом посту и умер. Был близок с Коу Чжунем — и по-человечески, и по взглядам. СШ: 266.

Аньфуши — чиновничья должность, военный генерал-губернатор с особыми полномочиями в ведении гражданских и военных дел. Имел практически неограниченную власть. Первоначально это была чисто военная должность, такие чиновники направлялись для наведения порядка и укрепления власти в тех местах, где происходили народные бунты или было какое иное нестроение. В 1000 г. была учреждена постоянная должность *аньфуши* Сычуани — для урегулирования положения дел в тех местах после восстания Ван Юэ, и аньфуши был придан целый штат из заместителя и подчиненных чиновников. Впоследствии аньфуши были поставлены в Шэньси, Хэдуне и Гуаннани.

Со времен... Чжэнь-цзуна и до... Жэнь-цзуна — то есть с 998 по 1023 г.

(9) В конце годов [Да-чжун] сянь-фу Ван И-гун был *чжичжигао* и целые дни напролет проводил на службе. Однажды он пришел в Чжуншу и там встретил ныне покойного господина Ван Вэнь-чжэна.

— А вы, господин, знакомы ли с Люй И-цзянем? — спросил тот.

— Незнаком, — отвечал И-гун.

По дороге домой он нанес визит [Люй И-цзяню]. А господин Люй в то время занимал пост *тайчан боши* и был *тунпанем* в Биньчжоу, и многие славили его таланты.

[И-гун] снова увиделся с Вэнь-чжэном — последовал прежний вопрос, и И-гун отвечал:

— Вы, господин, в прошлый раз упомянули этого человека, и я по дороге домой нанес ему визит — и доложил обо всем их разговоре.

— Придет время, и он вместе с *шэжэнем* будет стоять у кормила государственной власти, — сказал Вэнь-чжэн.

— Откуда вам, господин, знать об этом? — спросил И-гун.

— А я и не знаю, — отвечал [Вэнь-чжэн]. — Понял это по его докладом трону.

— А о чем те доклады?

— Не облагать налогами земледельческие орудия — все в таком роде.

Поскольку И-гун был человек вдумчивый, неповерхностный, то, услышав слова Вэнь-чжэна, хотя и не поверил, однако согласился:

— Пожалуй.

Со временем Сюй-гун оставил должность в Бинь[чжоу], вознесся до управляющего делами наказаний в Лянчжэ, а вскоре уже занял место в свите. Когда Дин Цзинь-гун потерпел неудачу, И-гун принял из его рук власть и в конце концов стал министром, как и Сюй[-гун].

Уже будучи на покое, И-гун пересказал слова Вэнь-чжэна [Сюй-гуну], и оба они восхищенно вздохнули: бывает же такое!

Впоследствии господин Чжан Ань-дао узнал эту историю от Сюй-гуна и кое-что [из нее] отразил в [памятной] надписи на его могильной стеле.

Примечания. Годы [Да-чжун] сян-фу — 1008—1016.

Ван И-гун — сунский сановник Ван Цзэн (王曾 978—1038), который за заслуги перед тронем был пожалован титулом Иго-гуна 沂國公, здесь приведенным в сокращении. В 1002 г. выдержал экзамены на степень цзиньши, пройдя по списку первым. Занимал ряд высоких придворных постов, в том числе был *чжичжигэо*. СШ: 310.

Люй И-цзянь (呂夷簡 979—1044) — сунский министр и реформатор. Второе имя Тань-фу 坦夫. Стал цзиньши в годы под девизом правления Сянь-пин (998—1003) и стал служить провинциальным чиновником. Позднее занял пост ланчжуна в Департаменте наказаний и управлял Кайфэном — и в последнем достиг больших успехов, благодаря чему имя Люй И-цзяня стало известно при дворе: император Жэнь-цзун (на троне 1023—1063) назначил его своим секретарем, а в 1028 г. Люй И-цзянь впервые стал министром. Посты министерского ранга после этого он занимал неоднократно и находился у власти более двадцати лет. По свидетельствам современников, в Поднебесной царил мир более десяти лет — благодаря усилиям Люй И-цзяня. С другой стороны, те же современники отзывались о Люй И-цзяне как о человеке крайне властолюбивом, не гнушающемся никакими методами для достижения своих целей. В 1040 г. двор пожаловал ему титул Сюйго-гуна 許國公, которым Люй назван в данном фрагменте ниже. СШ: 311.

Тунпань — чиновничья должность, учрежденная в 963 г., после присоединения к империи земель, которые занимает совр. пров. Хунань; двор назначал такого чиновника в каждую область этих земель (а в крупных по площади областях тунпаней иногда было два; впрочем, если население не превышало десяти тысяч дворов, то тунпань в область не назначался, а вот если во главе области стоял военный чиновник, то тунпань назначался непременно) в качестве наделенного равными с местными чиновниками правами, формально являющегося первым заместителем начальника области, но на деле поставленного для контроля за действиями областной администрации и для обеспечения своевременной подготовки докладов по инстанции в случаях нарушений или попыток бунта. В более позднее время тунпань стал выполнять обычные функции первого заместителя, однако в случае возникновения угрозы военных действий в ведение тунпаня переходили продовольственные и денежные вопросы области.

Тайчан боши — чиновничья должность в Тайчансы (придворное ведомство, отвечавшее за проведение различного рода императорских жертвоприношений и ритуальных церемоний).

Б и н ь ч ж о у — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Шаньдун.

Д и н Ц з и н ь - г у н. — Имеется в виду сунский сановник и поэт Дин Вэй (丁謂 966—1037), за заслуги перед тронем получивший титул Цзиньго-гуна 晉國公, здесь употребленный в сокращении. Был известен как человек большого ума и недюжинных способностей и знаний, любящий хорошую шутку, поэзию. Был удален от двора при императоре Чжэнь-цзуне (на троне 998—1022). СШ: 283.

Ч ж а н А н ь - д а о — сунский сановник и эрудит Чжан Фан-пин (張方平 1007—1091), второе имя которого было Ань-дао 安道. С малых лет проявлял большие способности к учению, обладал удивительной памятью: по свидетельствам современников, мог запомнить любой текст с одного прочтения. Служил в Цензурате, был заместителем начальника Шаншусэна (Управления департаментов). Пользовался у современников большим авторитетом. СШ: 318.

(10) На склоне лет Чжэнь-цзуна разбил недуг, и [он] опасался, что уже не поднимется. Однажды он заговорил об этом с находившимся рядом евнухом, его звали Чжоу Хуай-чжэн, — выразил желание временно передать бразды правления наследнику. А Хуай-чжэн был из свиты наследника. Выйдя [от императора], он стал советоваться с Коу Чжунем — решили, что тут же нужно возвести наследника на престол, удалить от двора госпожу Лю и подвергнуть опале Дин Вэя и других [его единомышленников]. [Коу Чжунь] велел Ян И подготовить черновики соответствующих указов, а Ян И сказал по секрету Чжан Яню 張演, младшему брату своей жены: «Через несколько дней правление обновится!»

Слух просочился наружу, и ночью Дин Вэй в женской повозке тайно приехал к Цао Ли-юну. Составили план: казнить Хуай-чжэна, подвергнуть опале Чжуня — и вызвали в Чжуншу[шэн] [Ян] И. [Ян] И от ужаса обмочил все платье и изменился в лице до неузнаваемости. А Вэй относился к нему с большим уважением, и в мыслях не имея причинить ему вред.

— Необходимо сделать перестановку чиновных лиц, — мягко объяснил ему [Дин Вэй]. — И я всего лишь хотел даровать вам хорошее назначение.

Тогда [Ян] И начал приходить в себя.

Чжунь, еще составляя свой план, хотел послать гонцов во все концы с тем, чтобы, как говорится, быстрее ветра устранить противников, а Ян И собиравшись поручить огласить новые указы, и послал за своим зятем Ван Шу в провинцию. А Шу прознал, что ничего не выйдет, и заставил [Коу Чжуня] свернуть все дело. Опасаясь неминуемой беды, [Шу] спрятал те черновики указов — велел жене укрыть их в сундуке между платьями.

Когда же императрица Лю почила, при дворе захотели вернуться к старым порядкам, что были при [Коу] Чжуне. [Ван] Шу достал те бумаги — но знаки все стерлись, пропали, не разобрать, [что написано]. В [память] об этой истории [Ян] И был дарован [почетный] пост *либу шаншу* и посмертное имя Вэнь 文.

Ли Шу написал [Коу Чжуню] славословие, и вкратце там говорилось: «С былых времен, с конца годов Тянь-си, рукою крепкой управлял, блюда покой дворцовый, умел придворных именитых урезонить, суждения его ценились выше всех».

Ведь [Коу] Чжунь по характеру своему был верен государю, искренен и честен — не мог он таить своекорыстные замыслы, но коли то дело

удалось бы воплотить, то уж непременно вышло бы косо-криво — неминуемая беда для страны!

Примечания. Чжоу Хуай-чжэн (周懷政 ?—1020) — высокопоставленный сунский придворный евнух. Имел существенное влияние при дворе уже при Тай-цзуне. Когда император Чжэнь-цзун издал указ о назначении наследника трона, Чжоу был назначен управляющим двором принца, а также начальником ведомства, надзирающего за августейшими могилами. За участие в заговоре был казнен. СШ: 466.

Коу Чжунь входил в ближайшее окружение основателя сунской династии, которое, как известно, состояло из выходцев из северных и центральных районов Китая и внимательно следило за тем, чтобы к власти не приходили южане. Однако во втором десятилетии XI в. ситуация изменилась: среди крупных сановников появились выходцы с юга, в частности упомянутый выше министр Дин Вэй. Противоборство при дворе усилилось, и когда император Чжэнь-цзун заболел, Коу Чжунь действительно предпринял попытку возвести на трон его малолетнего наследника, дабы отстранить от власти того же Дин Вэя и императрицу Лю, а самому стать регентом. Попытка успехом не увенчалась, и Дин Вэй добился ухода Коу Чжуня с поста цзайсяна и отправки его на должность правителя уезда Бадуна.

Госпожа Лю — императрица Лю (劉皇后 969—1033). Рано осиротела и была отдана в семью некоего ювелирных дел мастера, с которым в возрасте пятнадцати лет и оказалась в Кайфэне, где в 983 г. попала на глаза будущему императору Чжэнь-цзуну. Он приблизил к себе красивую девушку. Став императрицей, любимица Чжэнь-цзуна бездетная Лю практически стала приемной матерью будущему Жэнь-цзуну. Современники отзывались о ней как о женщине живого ума, весьма начитанной и просвещенной. Чжэнь-цзун часто позволял ей присутствовать при неофициальных обсуждениях государственных дел. Когда в 1020 г. он слег, именно императрица Лю стала принимать решения по всем неотложным вопросам. После смерти супруга стала регентшей при Жэнь-цзуне и правила страной в течение 11 лет. Жэнь-цзун, желая отметить ее особые заслуги, даровал ей посмертное имя Чжан-сянь мин-су 章獻明肅. Именно с нее пошла традиция давать посмертные имена императрицам не из двух иероглифов, а из четырех.

Ян И. — Как и сказано в вышеприведенном фрагменте, Чжэнь-цзун заболел, способствовал плану Коу Чжуня возвести на трон наследника — в пику намерениям Дин Вэя вместе с императрицей Лю узурпировать власть, пока наследник еще мал. План потерпел неудачу, и Ян И был казнен.

Цао Ли-юн (曹利用 971—1029) — сунский сановник. Участвовал в войне с киданями в составе войск, которые возглавлял лично император Чжэнь-цзун. Был послом в киданьском государстве Ляо, где договорился о предварительных условиях мира, за что двор пожаловал Цао должность столичного военачальника. Однако в 1007 г. был удален от двора и назначен на пост аньфуши на юг, в Гуаннань, где успешно подавил солдатский бунт. В 1014 г. возвратился ко двору на пост помощника Шумиюаня, а в 1019 г. возглавил Высший военный совет страны. За долгий срок службы нажил множество могущественных врагов, в том числе и среди членов августейшей семьи и знати, в результате чего был удален в изгнание; за этим последовало обвинение в присвоении казенных денег и еще более дальняя ссылка. Повесился. СШ: 290.

Ван Шу (王曙 963—1034) — сунский чиновник и эрудит, знаток древней истории. В 992 г. успешно сдал экзамен на степень цзиньши. Занимал ряд довольно высоких постов — в частности, был цензором и чжуаньюнши Хэбэя, а также цаньчжи чжэнши. В 1029 г. был удален из столицы и назначен управлять областью Ичжоу (в совр. пров. Сычуань). Местные жители его славили и сравнивали с известным честной неподкупностью Чжан Юном. Был женат на дочери Коу Чжуня, и когда тот попал в опалу, Ван Шу также выслали в провинции. СШ: 286.

Либушаншу — то есть глава Департамента церемоний.

Ли Шу (李淑 XI в.) — сунский чиновник и поэт. Состоял в придворной академии Ханьлиньюань. Человек обширных познаний, библиофил, по признанию современников, превосходивший остротой ума всех окружающих. Принимал участие в составлении многих официальных исторических сочинений. Умер на посту первого помощника начальника Шаншунэна. СШ: 291.

Укрыть их в сундуке... — Как известно, в X—XI вв. китайцы еще не знали мебели с вертикально расположенными створками; до широкого проникновения в их традиционный повседневный быт стульев и столов на высоких ножках вся домашняя жизнь была сосредоточена на полу, на который по мере необходимости выставлялись, а потом убирались предметы обихода (как это принято до наших дней в традиционном японском жилище); хранилища для вещей тогда представляли собой невысокие, сантиметров в пятьдесят, сундуки с открывающимся верхом; с течением времени и распространением мебели в нынешнем понимании этого слова подобные «хранилища» также стали выше — некоторые были даже выше человеческого роста, однако же открывались они попрежнему сверху, так что иногда для проникновения внутрь приходилось даже вставать на невысокую скамеечку.

Годы Тянь-си — 1017—1021.

(11) Когда покойный господин Ян Вэнь в свои последние годы жил в Янди, все силы души он направил на Ян Вэя 楊瑋.

Однажды Вэй стал прощаться, думая ехать на экзамены, и попросил [Вэня] дать ему, как говорится, зерна на путевые расходы. Господин велел выдать ему тысячу монет.

А Вэй до того преданно служил господину — получить эту [тысячу] было вовсе не то, на что он рассчитывал. Потому [Вэй] не двинулся с места.

Господин долго смотрел на него — молча, более ничего не предпринимаемая. Тогда [Вэй] опять стал прощаться.

Господин велел оседлать для него осла, но Вэй не пожелал [садиться на него].

— Это потом вам такое будет не к лицу, — сказал господин, похлопав осла по спине. — А нынче вовсе не зазорно! Когда-нибудь вы обязательно займете сходные с моими должности, — и вручил [Вэю] сотню тысяч монет на дорогу.

После этого Вэй успешно выдержал экзамен, и слава его гремела так же, как и [слава] господина Вэня.

Примечания. Ян Вэнь. — Имеется в виду Ян И, чье посмертное имя было Вэнь. Янди — уезд, располагавшийся на территории совр. пров. Шаньси.

(15) В то время, когда к власти пришел Люй Сюй-гун, императрица принимала участие в правлении, а Жэнь-цзун был еще мал, и господин сумел мудрой прозорливостью вести дела так, что во дворцах царил полный порядок. И когда Сюй-гун покинул этот мир, Жэнь-цзун, выйдя ко двору, безутешно плакал — долго, а потом оглядел сановников и сказал: «Люй И-цзянь умер, кто же теперь справится с большими делами!»

Был объявлен траур, и все плакали навзрыд. А [император] одарил родственников [Люя] полным набором жертвенной утвари.

Покойный господин Чжан Ань-дао в то время занимал пост *тайчанцина* и лично видел все в подробностях. Впоследствии он составлял мемориальную надпись для могильной стелы Сюй-гуна, и родные [Люя] пожелали, чтобы там говорилось и о том, как [Сюй-гун] управлял придворной жизнью. Ань-дао в высочайшем присутствии доложил всю правду о том, [как это было], и Владыка нахмурился.

— Я не хочу, чтобы снова писали об этом, — сказал он. Очень долго молчал, а потом добавил: — Некогда [императрица] Чжан-сянь рассказы-

вала, что видела во сне явившегося к ней чжоуского вана Ю, и тот попросил, чтобы во дворцы взяли Цзин-вана. А тогда как раз родился Юнь-чу, и императрица захотела взять его во дворец на воспитание, но Люй И-цзянь воспротивился этому и запретил.

Уж если Владыка такое рассказывал, значит, власть Сюй-гуна действительно была столь велика.

Примечания. Тайчанцин — глава Тайчансы (придворное ведомство, отвечавшее за проведение различного рода императорских жертвоприношений и ритуальных церемоний).

Чжоуский ван Ю 周王祐 — старший сын императора Чжэнь-цзуна, умер юношей.

Юнь-чу 允初 — малолетний сын Чжао Юань-яня (趙元儼 985—1044), восьмого сына императора Тай-цзуна.

(20) Чжан Хуань-гун хотя и был родом из Минь, однако же пользовался большим уважением.

Когда он был маленьким, отец отвел его и младшего брата к некоему предсказателю, умевшему угадывать судьбу [по чертам лица]. Предсказатель сказал: «Среди них есть один, что достигнет великой знатности». Господин [Чжан] постоял еще немного, а потом, не задавая больше вопросов, вышел, и младший брат последовал за ним. Отец спросил: «Про которого вы сказали, что он достигнет знатности?» Предсказатель отвечал: «Про того, что вышел первым».

Впоследствии господин занял пост каньчжи чжэнши. Люй Сюй-гун не любил его.

При Сун Сюань-сяне [господин] с поста шаншу был переведен в заместители начальника Шумиюаня, но Сюй-гун сделал его каньчжи чжэнши, желая принизить его. Родные и знакомые все уговаривали господина самому подать в отставку, но тот не слушал.

Спустя долгое время, только когда Сюань-сянь умер, [господин] решил отказаться от службы. Сюй-гун стал пенять ему чрезмерно, доложил Жэнь-цзуну — так и оставили господина [служить], не дали отставки.

А уж когда почил Сюй-гун, [господин] встал у кормила правления. Тогда во власть вошли Янь Юань-сянь, Ду Ци-гун, Фань Вэнь-чжэн и Фу Чжэн-гун — господин лишь помалкивал, ничего не предпринимая. Зато потом все они [оказались] отстранены, а господин, как и прежде, все занимал министерский пост и в конце концов ушел со службы, сославшись на старость. Все же — выдающийся человек!

Примечания. Чжан Хуань-гун (章郇公). — Имеется в виду Чжан Дэ-сян (章得象 978—1048). Родом был из Пучэна (совр. пров. Фуцзянь, в тексте названная Минь; хотя и был родом из Минь — имеется в виду, что он был одним из выходцев с далекого юга, а те усилиями Люй И-цзяня не допускались даже на малейшие придворные должности (быть может, Чжан даже принадлежал к какой-нибудь южной народности). Стал цзиньши в 1002 г. На протяжении двадцати лет был членом придворной академии Хань-линьюань. Когда на трон взошел Жэнь-цзун, Чжан был назначен на пост начальника Шумиюаня, позднее он занимал также ряд высоких постов, как правило, министерского ранга. В 1045 г., сославшись на болезнь, подал в отставку. За заслуги перед тронем был пожалован титулом Хуаньго-гуна 郇國公, здесь использованным в сокращении. СШ: 311.

Сун Сюань-сянь — сунский сановник и историк Сун Шоу (宋綬 991—1040), посмертное имя которого было Сюань-сянь 宣獻. В юные годы проявил большие способ-

ности. Пользовался большой любовью деда по матери, который открыл перед одаренным мальчиком свою библиотеку. Степень цзиньши Суну без экзаменов даровал императорский двор. Служить Сун Шоу начал рано и занимал при дворе ряд высоких постов, в том числе был каньчжи чжэнши (1033), сюэши в придворной академии Ханьлиньюань, начальником Шумиюаня, начальником Военного департамента, а также участвовал в составлении хроники правления императора Чжэнь-цзун и в подготовке династийной истории. Обладал обширной домашней библиотекой, все книги в которой выправил собственноручно по разным спискам. СШ: 291.

Фань Вэнь-чжэн — сановник, реформатор и литератор Фань Чжун-янь (范仲淹 989—1052), посмертное имя которого было Вэнь-чжэн 文正.

Фу Чжэн-гун — сунский сановник Фу Би (富弼 1004—1083), которому трон пожаловал титул Чжэнго-гуна 鄭國公, здесь употребленный в сокращении. Стронник Фань Чжун-яня.

(30) В годы Цин-ли разбойник Чжан Хай прошел через несколько областей и собирался вторгнуться в Гаою. [Тамошний] военачальник Чао Чжун-юэ 晁仲約, не будучи в силах дать [восставшим] отпор, попросил состоявших в войске зажиточных простолюдинов вынуть, как говорится, золото и шелк, купил на рынках мяса и вина, послал людей встретить [восставших] и щедро проводить их. Так [Чжан] Хай спокойно прошел [через Гаою] и не стал чинить разбоя.

Дело получило огласку, и двор пришел в страшный гнев.

В то время Фань Вэнь-чжэн служил в Чжуншушэне, а Фу Чжэн-гун был в Шумиюане. Чжэн-гун считал, что Чжун-юэ нужно казнить в строгом соответствии с законом, а господин Фань считал, что его можно простить — [сановники] стали спорить в высочайшем присутствии.

— Когда разбойники выступают против властей, а поставленный охранять границы подданный не в состоянии дать им бой, не может охранять [вверенные ему земли], а вместо этого заставляет людей раскошелиться для того, чтобы [разбойники] ушли, — по закону за такое полагается казнь, — говорил господин Фу. — Если не казнить [Чжун-юэ], тогда в округах и уездах вообще никто не станет охранять [вверенные им земли]! Все узнают, что жители Гаою пожалели [разбойников], накормили их — нельзя такое прощать.

— Коли местных солдат и оружия достаточно для того, чтобы оборонять те земли, но [командующий] вдруг не обороняет, да к тому же еще и сдается [разбойникам] — по закону за такое положена казнь, верно, — говорил господин Фань. — Но ныне в Гаою нет ни солдат, ни оружия, и даже если бы Чжун-юэ решил во что бы то ни стало обороняться, то все равно проиграл бы. И хотя дело это достойно гнева, однако, боюсь, истинный смысл закона состоит не в этом. Простые люди — они выложили деньги и тем самым избежали лютого истребления; по сути, этому следует радоваться, а слухи о том, что [люди] накормили разбойников, все равно разойдутся.

Жэнь-цзун просветлел лицом и принял последнее [мнение]. Так Чжун-юэ избежал смерти.

Но господин Фу все равно возражал:

— На местах ныне на законы плюют, не соблюдают. И если где-то захотят жить в соответствии с законом, а кругом все законы попирают — как добиться единства в стране?

— Со времен основателя династии не было в обычае так легко казнить подданных, — сказал ему господин [Фань] после, в частной беседе. — И это очень хорошо — как же вы хотите так просто взять и разрушить [сложившееся положение вещей]? Мы с вами, господин, служим вместе, и в мыслях у нас тоже должно быть единство. Ведь Владыка людей и сам не знал, как лучше поступить в данном случае, а вы так легко подталкивали его к казни — прошло бы время и даже такие люди, как мы с вами, уже не смели бы чувствовать себя в безопасности!

Но господин Фу так до конца с ним и не согласился.

Позже оба они и сами не избежали опалы: господин Фань был выслан управлять Шэньси, а господин Фу — Хэбэем. Оттого господин Фань сам попросил назначить его охранять границы, а господин Фу, когда возвращался из Хэбэя и достиг пределов столицы, не получил дозволения даже ступить в пределы [городских стен]. Не зная, каковы настроения при дворе, он в ту ночь в полном беспокойстве не смог сомкнуть глаз и лишь вздыхал, сидя на ложе:

— Все же Фань Лю-чжан — совершенномудрый человек!

Примечания. Годы Цин-ли — 1041—1048.

Чжан Хай (張海 ?—1043) — предводитель народного восстания в районе пров. Шэньси. Причиной восстания послужил голод 1043 г. местечке Шаншань (юго-восточная часть совр. уезда Шансянь в Шэньси), где взбунтовались тысяча с лишним человек. Соединившись с восставшими из других уездов, Чжан Хай захватил десять областей, но вскоре был разбит и казнен.

Гаою — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Цзянсу.

Со времен основателя династии не было в обычае так легко казнить подданных. — Действительно, сунская династия отличалась от прочих правителей Китая, так сказать, повышенным гуманизмом в области применения смертной казни; во времена основания династии Поднебесная «умиротворялась» по возможности малой кровью, что, конечно, объяснялось в первую очередь усталостью страны от междоусобиц и войн, так что зачастую владельцы Пяти династий и Десяти царств шли под руку сунского дома добровольно, а их бывшие владыки не только получали возможность жить в новой столице, но и оказывались назначенными на придворные должности; такая же практика по возможности сохранялась и в последующее время — зачастую проступок, за который придворный чиновник в былые времена был бы наказан смертью, при Сунах влек за собой всего лишь высылку в дальние, окраинные провинции, в чем тоже, конечно, мало было хорошего, однако же не сравнить со смертной казнью.

Позже оба они и сами не избежали опалы. — В результате придворной политической борьбы вокруг проекта консерваторов Фань Чжун-янь и Фу Би летом 1044 г. были отправлены в отставку с придворных должностей и отосланы служить в провинции; Фань Чжун-янь, в частности, в Шэньси.

ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ АЛИМОВ

ЛЕС ЗАПИСЕЙ

КИТАЙСКИЕ АВТОРСКИЕ СБОРНИКИ X—XIII вв.
В ОЧЕРКАХ И ПЕРЕВОДАХ

научное издание

Ответственный редактор — *О. И. Трофимова*

Редактор и корректор — *Т. Г. Бугакова*
Технические редакторы — *Г. В. Тихомирова, Л. В. Гохман*

Макет подготовлен в издательстве
«Петербургское Востоковедение»

Издательство «Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, г. Санкт-Петербург, а/я 111
✓ web-site: <http://pvost.org>
✓ e-mail: pvcentre@mail.ru

Подписано в печать 01.10.2009
Гарнитура основного текста типа «Times»
Бумага офсетная. Печать офсетная
Формат 70×100¹/₁₆. Объем 60,2 уч.-изд. л.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография „Наука“»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12